

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Ради обладания
этим сокровищем
многие готовы на все,
ведь камея поистине
бесценна...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Камея римской куртизанки

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Каменя римской куртизанки

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Камея римской куртизанки / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-116695-3

Эта древняя камея с изображением Медузы Горгоны, обладающая волшебными свойствами, когда-то принадлежала римской красавице-куртизанке Клодии, но ее история получила неожиданное продолжение в наши дни... Анна Воробьева несколько лет назад стала свидетельницей жуткого преступления: убили ее счастливую соперницу, которая увела мужа Анны, и Воробьеву тогда подозревали в убийстве. А сейчас сводная сестра Света, которую Анна никогда в жизни не видела, пригласила ее в Питер, поселила в своей квартире и... пропала. А вместо нее объявилась другая Света, ничего общего с прежней не имеющая...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116695-3

© Александрова Н. Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Наталья Александрова

Камея римской куртизанки

– Черт знает что! – сказал капитан Петр Лебедкин, входя в свой крошечный кабинетик. – Нет, ну это просто черт знает что!

– Ну что, опять влетело? – Его напарница Дуся подняла голову от бумаг.

– Не опять, а снова, – огрызнулся Лебедкин, но тут же опомнился.

Дуся – баба хорошая, это все знают, и ему, капитану, сильно повезло, что попала она к нему в напарницы. Мало того что невредная, с пониманием и характер хороший, так еще и умная. Друг с другом они отлично ладят, так что вовсе незачем ему сейчас срывать на Дусе свою злость.

Дуся, кстати, не думала обижаться. Во-первых, как уже говорилось, у нее был замечательный характер, и по жизни она была неисправимым оптимистом, то есть верила, что все будет хорошо. Ну не сейчас, так после, со временем.

Такому отношению к жизни очень способствовала Дусина внешность.

Дуся была женщина яркая и сама себя называла «сто килограммов женской красоты». Это она округляла для красного словца, хотя на самом деле если не сто там было, то прилично за девяносто.

Дуся, как уже говорилось, веса своего нисколько не стеснялась, а наоборот, очень собой гордилась.

Впрочем, у нее всего было много: глаза как блюдца, рот крупный, губы полные без всякого геля, волосы росли густо, по выражению парикмахеров, «на троих волос хватит». Глаза всегда сияли, волосы вились сами по себе, и исходила от Дуси такая жизненная энергия, что спокойно можно было бы заряжать от нее батарейки или давать электричество в удаленные и слаборазвитые районы (конечно, если Дуся позволила бы).

Мужчины, видя Дусю впервые, обалдевали от восторга. Те, кто работал рядом, конечно, обстрелялись уже, пообвыкли и новеньких заранее подготавливали, чтобы не было шока.

С женщинами Дуся всегда поддерживала хорошие, ровные отношения, поскольку была не вредной и независтливой. В разговорах со свидетелями Дусе не было равных, люди тотчас проникались к ней доверием и рассказывали все-все, знай только слушай. А слушать Дуся умела.

А во-вторых, Дуся прекрасно знала, что явился сейчас ее напарник от начальства, а начальство, как известно, по головке никогда не погладит, а норовит стружку снять. А с Петькой вообще сложно. Уж очень он резкий, заносит его на поворотах, никаких тормозов нет.

Учила его Дуся, учила: у начальства в кабинете молчи, что бы начальник ни говорил. Кивай, как китайский болванчик, со всем непременно соглашайся и тверди, как попугай, что все будет сделано как прикажут. Так всем будет лучше: и тебе, и ему.

Но Петька – натура увлекающаяся, вечно норовит из простого дела устроить цирк, везде ему серийные маньяки мерещатся. А начальство такого о-очень не любит.

Прежний их начальник, полковник Медведкин, был человек простой, как говорится, что на уме у него было, то и на языке. Начнет Петька у него в кабинете свое твердить, схемы какие-то показывать, графики, распечатки, Медведкин как рявкнет, будто он не полковник, а медведь, которого зимой охотники разбудили.

Тут бы Пете и помолчать, попятиться тихонько да и уйти. Ан нет, он еще больше горячиться начинает. Руками размахивает, графиками своими шуршит. Так-то он мужчина тихий, но как втемяшится ему в голову, что убийство не простое, а серия намечается, – так просто Петька сам не свой делается.

Понятно, что такое поведение его начальству никак не подходит. Правда, пару раз не ошибся капитан Лебедкин, углядел-таки серию¹. Громкие дела были, за первое Лебедкину премию дали в размере месячного оклада, и Дусю также не обидели, а полковник Медведкин на повышение пошел.

А во второй раз при новом начальнике им денег не дали. Зато Софья Павловна, секретарь начальника, с которой у Дуси с некоторых пор нежнейшая дружба, шепнула, что можно насчет квартиры Петьке попросить. Он после развода уж сколько лет в коммуналке мается.

И ведь выгорело дело, дали Петьке отдельную квартиру. Тут бы ему и успокоиться, дух перевести, работать, как велят, женщину какую-нибудь завести, если не для женитьбы, так для серьезных отношений, так нет. Снова Петька мечется, опять ему больше всех надо, с начальством конфликтует, а женщин вообще сторонится.

И то сказать, ходили какие-то слухи насчет Петькиной женитьбы и последующего потом развода. Вроде бы жена такая стерва попалась, а теща – еще хуже, еле-еле Петька от них избежился. Это давно было, Дуся еще тогда здесь не работала. Он про это никогда не говорит, а Дуся не спрашивает – что соль-то зря на раны сыпать...

Сейчас Дуся поглядела на напарника и протянула ему через стол бутылку минералки.

– Охладишься маленько, остынь!

Лебедкин плюхнулся на стул и одним богатырским глотком отпил полбутылки воды.

– Ух! – сказал он чуть бодрее. – И до чего же я не люблю с начальством общаться!

– Да кто же это любит-то... – философски заметила Дуся. – К сожалению, это не в наших силах, чтобы не общаться совсем... хотя хотелось бы... За что на этот раз он на тебя наехал?

– Ты не поверишь! – Лебедкин взмахнул руками, так что Дуся едва успела удержать бутылку. – Из-за девицы, что позавчера ограбили!

– Да с чего вдруг? – Дуся пожалла мощными плечами. – Обычное дело, шла девушка одна, заскочил с ней в подъезд наркоман какой-то, дал по голове, вырвал сумку, да и убежал. Непонятно только, отчего она не сообразила задержаться в дверях, или уж отбилась бы как-нибудь, ведь не ребенок десяти лет, а взрослая женщина, пора бы уж поумнеть.

– Ага, ну я и говорю ему, что потерпевшая вроде бы не сильно пострадала, ну дали по голове, даже сотряса нет, и сумку в ближайшей урне нашли. А грабитель этот небось наркоман мелкий, и как его найти-то? Тем более она сама сказала, что денег там немного было, ну мобильник еще, конечно, всякие там дамские штучки. Так что денег ему на пару доз хватит, а мобилу уже толкнул по дешевке, и всего делов.

– А наш что на это сказал?

– Да что сказал... – вздохнул Лебедкин, – смотрит на меня глазами своими оловянными и молчит.

Дуся представила эту картину и невольно поежилась. Вроде бы после того, как прежний их начальник полковник Медведкин пошел на повышение и новый начальник вступил в должность, прошло уже довольно времени, а все никак не могут они к нему привыкнуть. Черт его знает, что он за человек, и вообще человек ли?

Это высказал как-то Петька в минуту слабости, и Дуся время от времени задумывалась: а может, ее напарник прав?

Потому что про начальника никто ничего не знал – кто он, откуда, сколько ему лет, женат или холост, а если в разводе, то который раз...

Секретарша Софья Павловна, которая с некоторых пор Дусю очень привечала, никогда про начальника не сплетничала, а Дуся не спрашивала, знала, что все равно ответа не получит. Да если честно, то Софья и сама-то толком ничего не знала.

¹ Читайте об этом в книгах Н. Александровой «Амулет снежного человека» и «Перстень Ивана Грозного» (Издательство «Эксмо»).

Выглядел начальник подтянутым и моложавым – ни лишнего веса, ни мешков под глазами, ни морщин вокруг рта. Всегда чисто выбрит и аккуратно подстрижен, костюм недешевый и сидит отлично, галстук же довольно унылый, какой-то канцелярской расцветки. И, по наблюдению Софьи Павловны, галстуки и костюмы начальник все же менял, но обязательно на такие же точно.

Говорил начальник всегда негромким невыразительным голосом, и не поймешь даже, баритон у него или тенорок козлиный. Глаза, как метко выразился в свое время капитан Лебедин, были у начальника совершенно оловянные, и лицо выразительное, как дверца холодильника. И такое же холодное.

Через некоторое время дружный коллектив решил, что лучше уж полковник Медведкин – тот по крайней мере орал что-то человеческим языком, хотя не всегда приличным.

– Ну, значит, молчит он, – вздохнул Лебедин, – а я стою и жду, когда замерзать начну. А потом он и говорит, что с сегодняшнего дня у нас какой-то месячник борьбы с наркоманами. И что там, конечно, Наркоконтроль старается, но и мы со своей стороны должны проявить... в общем, что-то там проявить, углубить и улучшить.

– Понятно, – протянула Дуся сочувственно, – следовательно, попал ты, Петя, под раздачу.

– Такое мое счастье, – снова вздохнул Лебедин и посмотрел искательно: – Дусь, а Дусь?

– Ну чего тебе? – Она нахмурила брови, но долго в таком виде не удержалась и улыбнулась. – Ладно, схожу поговорю с той девицей!

– Дуся, ты золото! – Капитан Лебедин прекрасно знал, что Дуся умеет разговорить любого человека. И выяснить все, что нужно и важно. И не то чтобы будет сведения клещами из свидетеля тянуть или там иголки под ногти загонять, люди сами все ей расскажут и вспомнят все, что позабыли. У Дуси внешность располагающая, доверяют ей люди.

Дуся надела новое синее пальто, которое устроила ей по знакомству мамаша одного оболтуса, Дуся его спасла от верной тюрьмы.

Тринадцатилетний оболтус связался с плохой компанией, где все были старше его, идиоту было лестно, что с ним общаются такие взрослые ребята.

А ребята ограбили небольшой магазинчик и подставили оболтуса по полной программе, подсунули ему какие-то вещи, и все подельники дружно валили на него, так что светила парню колония всерьез и надолго, поскольку там еще и сторожа качественно приложили, он месяца два в больнице провалялся.

На допросах этот идиот молчал, играя в благородство, никакие уговоры на него не действовали. Сумела переубедить его только Дуся, как уже говорилось, ей люди доверяли.

Когда все закончилось, благодарная мамаша, работающая в бутике элитной одежды, устроила Дусе это пальто с большой скидкой.

Заказала его в свое время одна, мягко говоря, крупная, очень богатая дама, а потом ей что-то не понравилось, так что владелица бутика готова была пальто хоть даром отдать, потому как провисело оно порядочно и уже считалось моделью из прошлогодней коллекции.

Итак, Дуся причесалась перед крошечным зеркальцем и отправилась навещать потерпевшую Козлихину Алену Викторовну, которая вышла вчера из больницы и находилась дома, поскольку на работу ее еще не выписали, что и выяснил капитан Лебедин посредством телефонного звонка.

Алена Козлихина жила недалеко, в блочном шестиэтажном доме рядом с метро.

Обойдешь станцию сзади, минуешь цветочные ларьки и крошечный магазинчик мобильных телефонов, нырнешь в проход между стройкой и задней стеной бани – и вот он, дом. Дуся работала в этом отделении несколько лет и успела изучить все окрестности.

Домофон звонил долго, потом отозвался слабый невнятный голос и спросил, кто там.

Дуся ответила как есть – из полиции.

Лифт не работал, пришлось подниматься на пятый этаж пешком, Дуся посчитала это полезной гимнастикой. Не то чтобы она хотела похудеть, нет, такая мысль никогда не приходила ей в голову, но все же, как говорят, физические упражнения полезны.

Дверь открыла девица в розовом длинном халате и босиком. Вид у нее был недовольный.

– Чего надо? – довольно грубо спросила она. – Чего вы все ходите? Я на больничном.

Дуся не обиделась на такое невежливое обращение, она вообще на людей не обижалась.

– Можно в квартиру пройти или тут будем разговаривать? – Она широко улыбнулась.

Расчет был верен, девица покосилась на дверь напротив и неохотно посторонилась. Дуся, придя на площадку, внимательно изучила все четыре двери квартир.

Одна была новая, заклеенная пленкой, стало быть, ремонт люди сделали и не живут пока. Другая дверь была, наоборот, старая и обшарпанная, чуть ли не жучками проеденная, такую не всегда и на помойке встретишь, и пахло из квартиры этой самой помойкой. Алкаши, значит, обитают, с такими не поговоришь, мозги и память давно пропили.

Третья квартира была потерпевшей – ну да, Лебедин выяснил, что девица не снимает квартиру, живет в своей, а в последней квартире дверь была тщательно вымыта, даже ручка сияла, и коврик лежал хоть и старенький, но чистый. И сейчас Дусе послышалась какая-то осторожная возня за той дверью. Ясно, соседка любопытная...

Девица повернула голову и поморщилась, прикоснувшись к волосам. Там, чуть выше виска, был наклеен пластырь, а вокруг засохла кровь.

Прихожая была темноватая и довольно захламленная, девица мотнула головой вправо, что означало – иди на кухню.

Дуся сняла пальто и повесила его прямо на крючок, даже плечиков не нашлось. И вешалка была старая, давно пора поменять.

На кухне был жуткий беспорядок, и зоркие Дусины глаза сразу определили, что это для хозяйки дело привычное. Сразу ведь видно, оттого не прибрано, что женщина заболела и из рук все валится, или же просто привыкла в таком кавардаке существовать.

Дуся и не думала никого осуждать, не ее это дело, она просто отметила про себя некоторые вещи.

– Зачем вы пришли? – спросила хозяйка, опустившись на стул. – Сказала же еще в больнице, что ничего не помню, этого паразита я не видела. Так что забудьте вы про это дело, и я поскорее забуду! Век бы не вспоминать...

– Не получится, – вздохнула Дуся, – ваше дело начальство взяло под персональный контроль, так что придется расследовать.

– Что это значит – под персональный контроль? – Девица подняла голову, и от резкого движения, видно, снова ей поплохело.

– Болит? – сочувственно спросила Дуся. – Сильно он вас приложил?

– Врачи говорят – несильно, – вздохнула в ответ девица и неожиданно предложила: – Кофе хотите?

– Хочу, – обрадовалась Дуся, давно уже приметившая на кухне вполне приличную кофеварку.

Не то чтобы она так уж хотела кофе, просто нужно было установить доверительные отношения с потерпевшей, а совместно выпитая чашка кофе этому очень способствует.

Пока девица заправляла кофеварку, Дуся сама вымыла две чашки и одну чайную ложку, второй не отыскала. И чашки разномастные: одна красивая, но старая уже, краешек отбит, а вторая новая, совсем дешевая, даже без рисунка.

Кофе, разлитый по чашкам, пахнул приятно.

Девица вдруг покачнулась и села на табуретку, которую Дуся присмотрела для себя. На кухне стояли два шатких стульчика на узких ножках, а вот табуретка была старая, с виду надежная.

Дуся вовсе не хотелось начинать доверительный разговор со сломанного стула, а эти явно ее веса не выдержат.

– Ты чего? – Она подбежала к потерпевшей. – Плохо, что ли? Только в обморок не падай!

– Да я ничего... – слабым голосом ответила та, – голова кружится, и в глазах темно.

– Рано тебя выписали! – рассердилась Дуся.

– Да ладно, у меня и раньше так бывало. Нечасто, правда. Нужно кофе выпить... полегчает.

– Это пожалуйста! – Дуся без труда перетащила девицу к столу, а сама завладела табуреткой. Не обманула та, выдержала ее вес.

– Тебе нужно непременно с сахаром... – Она оглянулась в поисках и нашла старую фарфоровую сахарницу с отбитой ручкой. Которая, однако, была совершенно пуста.

Дуся открыла шкафчик, но обнаружила там только полупустую бутылку подсолнечного масла и пакетик душистого перца, да еще пустую коробку из-под кукурузных хлопьев, из которой как раз выползал шустрый предприимчивый муравей.

– Там... в куртке, в кармане сахар есть... – прошелестела девица, так что Дуся пулей полетела в прихожую и нашла там куртку, которая брошена была просто на пол, поскольку оторвалась вешалка.

Дуся подняла куртку и без труда определила, что побывала она в больнице, только там могла впитать такой тоскливый запах.

Дуся потрясла куртку, и из кармана выпало несколько мелких монеток и три рекламных пакетика сахару, на которых было написано «Бар-Ракуда». И нарисована там еще голова сердитой зубастой рыбы.

Дуся честно поделила сахар пополам, хотя сама любила, чтобы послаще.

После кофе девица малость порозовела и перестала клониться набок.

– Меня Дусей зовут! – сообщила оперативница, ненароком взглянув на часы.

Пора приступать к разговору, время не ждет.

– А меня Алена, – вздохнула потерпевшая, – спрашивай уж, раз пришла. Только я ничего не помню.

С предварительными вопросами разобрались быстро.

Алена жила одна, в этой вот квартире, которая досталась ей после смерти бабушки три года назад. Окончила после школы Колледж коммунального хозяйства, но по специальности работу не искала, а было там секретарское отделение, так вот и решила пока так перебиться.

Работает она секретарем в нотариальной конторе, что находится на проспекте в двух остановках отсюда. Очень удобно, не нужно много времени на дорогу тратить.

– Вот тут написано... – Дуся полистала запись первичного допроса, которую взяла с собой, – что напали на тебя примерно в девять тридцать, и вызов в «Скорую» тогда же зафиксирован. А где ты до этого была? Время-то позднее!

– Да на работе! – слишком поспешно, на Дусин взгляд, ответила Алена. – Изабелла задержала, велела документы перепечатать.

Далее выяснилось, что Изабелла – помощник нотариуса Семибратова, и Алена дело имеет только с ней, та работу требует и вообще строгая очень, никогда навстречу человеку не пойдет.

Перешли, собственно, к нападению. Тут Алена вообще ушла в глухую несознанку – ничего не помню, ничего не видела, ничего не слышала, очнулась только, когда Вера Ивановна, соседка, трясет и зовет: «Алена, Алена, что с тобой, жива ли?»

Но не тот человек была Дуся Самохвалова, чтобы уйти ни с чем. Она точно знала, что потерпевшая что-то скрывает. Точнее, недоговаривает. Может быть, ерунда какая-то, к делу вовсе не относится. А может – что-то важное.

– В сумке что у тебя было? – деловито спросила она. – Деньги, документы?

Выяснилось, что документов в сумке не было и денег не так чтобы много. Косметику, конечно, жалко, мобильник опять же... А ключи Алена всегда в кармане носит.

– Это правильно, – одобрила Дуся и задала следующий, заранее заготовленный вопрос.

Алена отвечала, что никого в подъезде она не встретила, а лифт не работал, что ее совершенно не удивило, потому что он вечно ломается. И если утром, так еще ничего, мастер приезжает, а вечером – так до утра лифт и стоит, так что приходится пешком ходить.

И вот поднялась она и только достала ключи, чтобы дверь квартиры открыть – как сзади удар, и больше она ничего не помнит.

У Дуси в голове тут же возникла мысль, что если лифт не работал, то для чего грабителю было тащиться за Аленой на пятый этаж, мог бы и на первом сумку вырвать, раз уж в подъезде никого не было.

К тому же и не всякий наркоман сумеет до пятого этажа подняться, иной бы и на третьем спекся. А этот, видишь, по голове Алене дал, да еще и убежать сумел. Правда, вниз – это не наверх, но все равно этот наркоман в неплохой физической форме.

Она взглянула на вновь побледневшую Алену и решила прощаться, посоветовав той полежать, авось полегчает.

Услышав, как щелкнул замок, Дуся не спешила уходить. Она посмотрела на дверь напротив, которая тут же отворилась, как будто повинуюсь ее приказу.

На пороге стояла бодрая такая старушенция с аккуратно завитыми седыми волосами, подкрашенными фиолетовыми чернилами (Дуся знала, потому что так когда-то делала ее бабушка). У ног старухи отирался рыжий котик устрашающих размеров с самой разбойничьей мордой.

– Хорош! – одобрила Дуся.

– Это вы будете из милиции? – по старой памяти спросила старуха, оглядев Дусю.

– А это вы будете Вера Ивановна Пищикова? – в ответ поинтересовалась Дуся, у нее была отличная память на имена и фамилии, раз прочитает в протоколе – ни за что не забудет.

Старуха молча посторонилась, и кот удалился в глубь квартиры, ступая мягко, но с достоинством.

– Чаю? – спросила старуха.

– Да я уж вроде кофе напилась... – сказала Дуся, осознав, что время все-таки поджимает, и у нее, кроме этого дела, за которое вообще Петька отвечает, своих дел полно.

– Знаю я, какой там у Алены кофе, – отмахнулась старуха, – небось и сахару-то нету... А я тебе к чаю вон печенья дам.

Печенье было дивно вкусное, рассыпчатое, с маком и корицей, Дуся съела четыре штуки, но тут чашка опустела.

– На работу не торопиться? – спросила старуха.

– Тороплюсь, – честно ответила Дуся, – так что давайте коротко.

– Ну что тебе сказать? Алена – девка неплохая, но без царя в голове, и ума у нее немного, – старуха сразу взяла быка за рога, – когда бабушка ее умирала, просила меня за Аленой присматривать. Вот и стараюсь по мере сил... – тут она тяжело вздохнула, – да не очень получается. Хотя... вот ты слушай.

Значит, сию это я, телешоу смотрю, а тут Барсик чего-то забеспокоился. Он у меня такой умный и вроде собаки все чует, что на площадке творится. Особенно в Алениной квартире, потому что раньше-то он там жил, у бабушки ее.

Ну когда бабушка умерла, то Алена кота, конечно, оставила, только она целыми днями на работе, а он скучает. Болеть даже начал, она и говорит, тетя Вера, возьмите его к себе. А я что? Да ради бога, раз такое положение создалось. Мы с Барсиком ладим хорошо, только он всегда реагирует, когда там дверь скрипнет или шаги раздаются.

Ну, тут и я слышу возню какую-то, а потом вроде крик и упало что-то. Я дверь-то открыла – батюшки мои, что делается! Алена на полу лежит, кровь у нее из головы течет, и мужик какой-то ключи у нее из рук рвет. Я как заору, да только поздно, схватил он сумку, да и дал деру. А я к Алене подошла, кричу, за плечи ее трясусь, она глаза открыла мутные такие... Я усадила ее тут же на полу, да и в «Скорую» звонить. Те быстро приехали, даже удивительно...

– Это же выходит, что он ее в квартиру затащить хотел... – медленно сказала Дуся, – раз ключи схватил. А там уж сделал бы что хотел... Так что, Вера Ивановна, считайте, что вы ее спасли, не зря соседке своей слово давали, что присмотрите за внучкой...

– Господи! – старуха перекрестилась.

– Мужик этот из себя какой был? Не запомнили?

– Не разглядела, – с сожалением отвечала старуха, – так вроде росту среднего, худошавый, куртка не то серая, не то черная, вроде бы блондин... а может, седой... нет, не узнаю его...

– Ладно, спасибо вам, пора мне уже.

Проводив свою напарницу, капитан Лебедкин присел за свой стол с твердым намерением разобраться наконец с бумагами, которые заполонили уже не только стол, но и подоконник, и даже валялись на полу, за что Дуся его поругивала.

Лебедкин расчистил место на столе, утвердился на нем локтями и мрачно уставился в окно.

За окном шел дождь, и видны были мокрые крыши соседних домов и лужи на тротуаре.

Лебедкин малодушно отложил рапорт, который нужно было составить в первую очередь, и решил выпить кофе для бодрости и просветления мозгов. У Дуся была в столе банка растворимого, он это точно знал. И вот, когда он вышел в коридор с чайником, чтобы набрать воды, возле самого туалета его перехватил дежурный Коля Еропкин.

– Петя, тут к тебе женщина пришла, – подозрительно довольным голосом сообщил он.

– Какая еще женщина? – попятился Лебедкин, пытаюсь прошмыгнуть в туалет, но Еропкин сделал ловкий хоккейный финт и не дал двери открыться.

– Ну баба какая-то чокнутая, – Еропкин наклонился и зашептал: – с заявлением, вроде бы у нее пропал кто-то.

– Кто – муж? Или хахаль? Так тогда чего искать-то, сам придет, когда нагуляется...

– Вот и я о том же! – обрадовался Еропкин. – Так что ты быстренько ее отфутболь, а то все заняты, один ты по коридору гуляешь, сразу видно, делать тебе нечего.

Проклиная себя за то, что не вовремя поперся за водой, Лебедкин понял, что ему не отвертеться. Не пошлешь же дежурного куда подальше, он все же лицо официальное.

– Ну, давай ее ко мне в кабинет! – И, махнув рукой на кофе, побежал вперед, чтобы хоть бумаги с пола прибрать.

Через две минуты в дверь постучали.

Будь на месте Дуся, она бы сразу определила все по этому стуку. Лебедкин же таким умением не обладал, так что только поразился, что стук робкий, нерешительный.

Не любил он горластых теток, которые тут же начинают орать и требовать чего-то. Или еще плакать начнут. Вот рыдающих женщин капитан Лебедкин просто не переваривал. Равно как и орущих визгливыми голосами. Вот у его бывшей тещи был голос! Любая циркулярная пила позавидует, а болгарка так просто отдыхает... Или вот еще дрель... да если сверло прямо в мозг...

– Можно войти? – послышался тихий испуганный голос.

На пороге стояла женщина. Лет сорока, как навскидку определил капитан Лебедкин, а может, и больше. Скромного такого вида, незаметного.

Впрочем, Лебедкин не приглядывался, хоть Дуся не раз призывала его не стесняться и смотреть женщине в глаза, разглядеть ее как следует. Первое впечатление – самое верное,

говорила она. Но Лебедкин не хотел разглядывать женщин, он их сторонился. Хотя при его работе это затруднительно. Или вот как с этой – ясно же, что не укусит, сама его боится.

– Проходите! – Он хотел сказать это сухо и строго, чтобы сразу стало понятно, что капитан – человек исключительно занятой и по пустякам его беспокоить не следует.

Но строго не получилось, потому что по характеру Петя Лебедкин был человек мягкий и от этого часто страдал, потому как лишняя мягкость при его работе только мешает.

Женщина прошла в крошечный кабинетик и села на шаткий неудобный стульчик.

Был в кабинете еще один стул – большой, удобный, устойчивый, но его сделали по спецзаказу, точнее, в подарок Дусе, и она никому не разрешала на нем сидеть, даже начальнику отделения, если бы пришло ему такое в голову.

– Слушаю вас! – Капитан положил перед собой стопку бланков, от чего взгляд у женщины стал еще более испуганный.

– Понимаете... – голос у нее дрогнул, и она опустила глаза, – просто не знаю, что делать...

Капитан Лебедкин рассердился. У него дел невпроворот, а эта тут рассусоливает. А он даже кофе не выпил и рапорт не начинал. И Дуся куда-то пропала...

Тут он вспомнил, что сам же упросил Дусю сходить к потерпевшей по его делу, и устыдился. А посему посмотрел на женщину более приветливо, отчего она приободрилась, глубоко вдохнула довольно-таки спертый воздух кабинета и выпалила:

– У меня сестра пропала!

Ага, значит, все-таки сестра, а не муж и не хахаль, с некоторым удовлетворением отметил Лебедкин. С другой стороны, если муж загулял, то можно тетю и отправить с богом – сидите, мол, гражданка, дома и убирайте квартиру к приходу мужа. Можете еще обед приготовить, так время и пройдет. А если сестра, то все сложнее. Хотя сестричка, может, тоже порядочная пройда...

– Давайте излагайте по порядку! – посуловел он. – Паспорт у вас имеется?

По паспорту звалась пришедшая Анной Игоревной Воробьевой, проживала в городе Дальнереченске, лет от роду имела тридцать восемь, чему капитан Лебедкин немало удивился, поскольку тетка выглядела, на его взгляд, намного старше. Забитая какая-то, изможденная. А может, больная...

– Слушаю вас! – сказал капитан, аккуратно записав в блокнот данные паспорта. – Во-первых, как вы в нашем городе оказались, зачем сюда приехали...

– Я приехала к сестре, она пригласила погостить. Понимаете, мы раньше как-то... в общем, она написала, а я ответила... не сразу правда, письмо долго в ящике провалялось... а потом я прочитала, ну пока мы с ней списались, потом созвонились... она мне и говорит, приезжай, поживешь в бывшей родительской квартире... там никто не живет уже несколько лет...

– Почему? – вклинился Лебедкин, чтобы остановить этот бессвязный и невразумительный поток слов.

Пока что он ничего такого не заподозрил. Ну в растерянности женщина, тем более из другого города приехала, порядков наших не знает. Оттого и нервничает. А может, они с сестрой просто разминулись? В метро там или в магазине, или где еще они были.

– Почему квартира пустая? – спросил он.

– А? – Женщина глянула на него осмысленно. – А отец умер пять лет назад.

– А мать?

– А мама еще раньше умерла. И она тоже.

– Кто – она? – капитан украдкой взглянул на часы.

– Ну... она, его вторая жена...

Услышав про вторую жену, Лебедкин затосковал. Сейчас она начнет долго и нудно рассказывать про все семейство – кто кого бросил, кто на ком женился в незапамятные времена, перечислять детей от первого брака, племянников и соседей... ох, тоска...

– Значит, вы приехали в наш город и поселились в бывшей квартире родителей...

– Я только одну ночь там провела, а утром мы договорились встретиться со Светланой.

– Это сестра? – понятно уточнил Лебедкин.

– Ну да, Светлана Игоревна Чекан. Это по мужу она Чекан, – заторопилась тетя, – по мужу. Только она с ним развелась. Ну и я тоже...

«С этим же Чеканом?» – хотел ехидно поинтересоваться капитан, но с трудом удержался.

– Из-за этого все и получилось... – продолжала Воробьева, – Светлана была одинока, я тоже... она и пригласила меня пожить, место ведь есть... квартира эта самая...

– Ну и что дальше было? Приехали вы... – Капитан, уже не скрываясь, посмотрел на часы.

– Да, приехала, Светлана меня встретила... знаете, я ведь ее сразу узнала...

– То есть как? – Лебедкин вздрогнул. – Что значит – сразу? Вы что, ее никогда не видели?

– Да... – В глазах Воробьевой мелькнула растерянность. – Получается, так. Дело в том, что мы даже не знали о существовании друг друга.

– Гражданочка! – Капитан постучал по столу шариковой ручкой. – Вы вообще-то в отделении полиции находитесь, так что излагайте свое дело внятно и понятно! Что значит – никогда родную сестру не видели? Вас что – в детстве выкрали?

Гражданка Воробьева вздрогнула и посмотрела затравленно.

– Я... простите, я не сказала... Мы со Светой сводные сестры, по отцу. Понимаете, он маму бросил... мне всего три года было. А мама гордая очень была, не стала на алименты подавать... в общем, выбросила его из нашей жизни.

Лебедкин вздохнул: вот и начинается натуральный мексиканский сериал – брошенные жены, украденные дети...

Но посетительница, очевидно, взяла себя в руки и заговорила быстрее:

– Все было хорошо, Светлана так приветливо меня встретила, привезла в эту квартиру и оставила. Она уезжала куда-то по делам и сказала, что завтра с утра мы встретимся, она мне город покажет, и вообще узнаем друг друга... Она так торопилась, даже перчатки у меня забыла...

Анна закрыла глаза и увидела эти самые перчатки, очень красивые. Светлой тонкой кожи, по которой змеился сложный рисунок, и крошечная пуговка. Эти перчатки были последним радостным воспоминанием, потому что утром начался форменный кошмар.

Она встала рано, да и спала плохо, как всегда на новом месте, позавтракала, умилившись, что Светлана даже холодильник заполнила продуктами, и квартира в полном порядке, хотя и не жили в ней давно.

Заботливая у нее сестра, они непременно подружатся. С этой радостной мыслью Анна собралась и стала ждать звонка Светы.

Но время шло, вот уже полдень миновал, а телефон молчал.

Анна не выдержала и набрала номер Светланы.

Женский жестяной голос ответил, что телефон выключен.

Ну все ясно, забыла поставить на зарядку. Надо же, она сама тоже вечно забывает это сделать! Ну, подождем еще...

Но прошло еще полтора часа, еще два, а телефон молчал.

Анна проверяла его каждые пятнадцать минут, таскала с собой всюду. От Светланы не было ничего. Тогда Анна вспомнила, что где-то у нее был номер стационарного телефона квартиры сестры.

Ну да, та дала ей два номера – и мобильный, и домашний.

Дрожащими руками Анна набрала второй номер, но ответом ей были длинные гудки.

Светлана не брала трубку. Или ее нет дома. Но отчего тогда выключен мобильный?

Анна снова взглянула на часы, потом на свой молчащий телефон.

Да что же это такое?

Если Светлана не хочет с ней знаясь, зачем было вызывать ее сюда? Зачем было выдергивать из привычной, устоявшейся жизни, чтобы заставить сидеть здесь в ожидании ее звонка?

Тут она вспомнила эту свою «устоявшуюся жизнь» и горько улыбнулась. Эта жизнь не вызвала в ее душе ничего, кроме глухой тоски, унылой и утомительной, как зубная боль... косые взгляды знакомых, одинокие вечера у телевизора... ужасная скука постоянно... вот уж о чем она никогда не будет жалеть!

Откуда-то из подсознания всплыло выражение «зубная боль в сердце»... это как раз о той ее жизни!

Анна встала, сжала руки в кулаки, прошла взад-вперед по комнате, как зверь по клетке, снова села, который уже раз взяла свой телефон и набрала номер Светланы.

И снова из трубки потянулись тоскливые, безнадежные гудки, и мобильник отвечал тем же противным голосом, так что Анне захотелось придушить его обладательницу, если бы не была она роботом.

Нет, что-то здесь не то...

Если бы Светлана была просто занята, если бы ей было сейчас не до провинциальной родственницы – она уж как-нибудь дала ей это понять. Позвонила, сообщение прислала – так, мол, и так, сейчас не могу, отложим встречу. Ну как все нормальные люди делают.

Анна тут же усмехнулась горько. Когда она общалась с нормальными людьми? За последний год, пожалуй, ни разу. Все окружающее ее напоминало страшный сон, долгий, длящийся почти год. И только после письма сестры появилась в ее жизни слабая надежда, что все изменится к лучшему. И вчера она легла спать почти счастливая. И вот, пожалуйста, все опять рухнуло.

Она не нужна никому, и сестре тоже не нужна. Светлана просто не отвечает. Просто не берет телефон.

Но, может быть, с ней что-то случилось? Может быть, она попала в аварию и лежит сейчас в больнице без сознания? Или у нее сердечный приступ, и она дома, и некому ей помочь?

Анна из последних сил цеплялась за мысль, что с ней все еще не так ужасно. И сестра не пострадала сильно, просто не может позвонить.

Анна вскочила. Она больше не могла ждать, ей нужно было что-то делать...

Но что делать?

Единственное, что пришло ей в голову, – поехать домой к Светлане, взглянуть на нее, убедиться, что с сестрой все в порядке...

Мысленно назвав эту малознакомую женщину сестрой, Анна вздрогнула. Это звучало так странно, так непривычно... но ведь они и правда сестры, пусть не родные. И выходит, что у нее во всем мире никого нет ближе Светланы...

Значит, нужно ехать к ней. Ехать немедленно.

В первый момент Анна испугалась, что не знает адреса Светланы, но тут же вспомнила про ее письмо, которое лежало в сумочке. Там наверняка есть обратный адрес...

Она схватила свою сумочку, залезла в нее и почти сразу нашла смятый, потертый на сгибах конверт.

Вот он – адрес Светланы: Поклонногорская улица, дом четыре, квартира пятнадцать...

Денег у нее было мало, но сейчас волей-неволей пришлось взять такси – не оттого, что она спешила, а чтобы не искать эту злосчастную Поклонногорскую улицу. Ведь она совсем не ориентировалась в большом городе.

Такси привезло ее в зеленый район рядом с большим лесопарком.

Дом был окружен кованой оградой, на въезде был шлагбаум, и таксист высадил Анну перед ним:

– Вот этот дом, а внутрь меня не пустят.

Анна расплатилась строго по счетчику и направилась к шлагбауму.

Возле шлагбаума была стеклянная будочка, в ней сидел мрачный мужчина с обвислыми усами, в черной униформе охранника. В глазах его читалась застарелая скука.

– И куда же мы идем? – спросил он Анну, выглянув из своего аквариума. – И куда же мы торопимся?

– К сестре, – ответила та и собралась было с деловым и безразличным видом пройти мимо.

– Эй, стой, я с тобой еще не закончил! – Охранник повысил голос. – К какой такой сестре?

Анна хотела было возмутиться – что это он к ней обращается на «ты» – но решила не усложнять свое положение и назвала фамилию Светланы и номер квартиры.

Охранник солидно кивнул, достал какой-то голубоватый разграфленный лист – видимо, список жильцов, – повел по нему толстым прокуренным пальцем и солидно проговорил:

– Есть такая... сейчас мы узнаем, ждет ли она вас...

«Ну хоть на «вы» перешел!» – подумала Анна, но тут увидела, что из подъезда вышла женщина в бежевом расклешенном пальто.

Да это же она, Светлана!

– Вот она, моя сестра! – выпалила Анна, перегнулась через шлагбаум и крикнула:

– Света!

Но та ее не услышала и скрылась за углом.

– Да пропустите же меня, она уже уходит! – Анна раздраженно повернулась к охраннику.

Тот что-то недовольно проворчал, но все же нажал кнопку, открыв металлическую калитку рядом со шлагбаумом.

Анна прошмыгнула через калитку, направилась к дому, и в этот самый момент из-за угла выехала красная машина. Та самая машина, на которой Светлана встретила ее с поезда.

Анна метнулась обратно, чтобы перехватить машину, но шлагбаум уже открылся, машина выкатилась мимо нее на улицу, и Анна успела разглядеть только женский силуэт на водительском месте. А еще она успела заметить номер машины – три шестерки, число дьявола...

Конечно, это была Светлана.

– Вот черт, не успела... – пробормотала Анна, вслед за машиной пройдя под шлагбаумом.

Охранник весьма ехидно посмотрел на нее. Или, может, Анне это только показалось.

Красная машина притормозила на ближайшем перекрестке, и тут, под влиянием внезапного порыва, Анна вскинула руку. Рядом с ней тут же остановилась неказистая машина болотного цвета.

Анна распахнула дверцу, плюхнулась рядом с пожилым водителем.

– Куда едем? – осведомился тот.

– Вон за той красной машиной! – выпалила Анна.

Водитель уже открыл рот, чтобы что-то спросить, но Анна опередила его:

– Вот только не надо никаких лишних вопросов! Поезжайте за той машиной, и все!

– Как скажешь... – протянул водитель с обидой.

«Ну почему сегодня все со мной на «ты»...» – подумала Анна, но тут же увидела себя глазами этого водителя и охранника – глуповатая растерянная провинциалка, бедновато и немодно одетая. Да уж, к таким в большом городе относятся неуважительно.

Анна отбросила эту мысль как несущественную.

Более существенным был другой вопрос: зачем она поехала за Светланой.

Ясно же, что ее новообретенная сестра жива и здорова, а раз она не отвечает по телефону, значит, просто не хочет ее видеть, скрывается от Анны... но какого черта? Ведь она сама ее пригласила в Петербург, встретила, поселила в этой своей квартире... и говорила вчера с ней так ласково, так приветливо... что же после этого случилось? Почему она не выходит на связь?

Красная машина тем временем свернула на проспект, проехала еще немного и остановилась на парковке перед торговым центром.

– Ну куда теперь? – осведомился водитель.

– Сейчас, одну минутку...

Дверца красной машины открылась, Светлана вышла и направилась ко входу в торговый центр.

Анна сунула водителю купюру, выскочила из машины.

– Эй, добавить бы надо! – крикнул вслед ей водитель.

– Обойдешься, ехали всего ничего! – отмахнулась Анна, устремившись вслед за сестрой.

В торговом центре было совсем немного людей, и она сразу увидела бежевое пальто Светланы. Сестра ехала на эскалаторе на второй этаж центра.

Анна торопливо пересекла холл, шагнула на эскалатор и пошла по нему, расталкивая людей и извиняясь.

Нагнать Светлану на эскалаторе она все равно не успела, та доехала до второго этажа и пошла по коридору, потом свернула в обувной магазинчик.

Анна последовала за ней, сразу увидела бежевое пальто перед стойкой с туфлями, подошла и проговорила, переводя дыхание:

– Света, еле тебя догнала!

Сестра не повернулась к ней, никак не отреагировала на ее голос, даже не шелохнулась.

– Света? – повторила Анна уже не так уверенно и дотронулась до рукава бежевого пальто. Женщина обернулась, удивленно посмотрела на Анну.

Анна попятилась.

Это была не Светлана.

Другой разрез глаз, незнакомая складка у губ, незнакомый, удивленный и недовольный взгляд.

Конечно, она была похожа на сестру, такой же силуэт, такие же волосы, опять же это бежевое пальто, несомненно, точно такое же, как то, что было на Светлане... неудивительно, что Анна издали перепутала ее с сестрой...

Перепутала? Но ведь эта женщина вышла из того самого дома, в котором живет Светлана, из того самого подъезда и села в такую же точно красную машину... да нет, не в такую же, а в ту же самую – ведь Анна разглядела номер этой машины, три шестерки, точно такой номер был на машине Светланы...

Все эти мысли промелькнули в голове Анны в долю секунды.

– Что такое? – удивленно спросила женщина в бежевом пальто. – Вы что-то хотели спросить?

– Нет... простите... я обозналась... – пролепетала Анна. – Я приняла вас за свою знакомую...

– Бывает! – ответила женщина с едва заметной насмешкой в голосе.

И тут Анна заметила еще одну деталь.

Перчатки.

На руках у этой женщины были точно такие же перчатки, как у Светланы. Светло-бежевые, в тон пальто, удивительно тонкие, облегающие руку, как вторая кожа. По их поверхности змеился едва заметный рисунок, а на запястье сверкала крошечная пуговка.

Точно такие перчатки, как на Светлане. А ведь Светлана с плохо скрытой гордостью сказала, что вторых таких перчаток в Петербурге нет, она привезла их в прошлом году из Италии. Нашла в крошечной мастерской, где их шили на заказ. Так, может, это те самые перчатки?

Неувязка только в том, что перчатки остались в той квартире, где поселилась Анна. Светлана их забыла, когда уходила от нее... Очень торопилась.

– Бывает! – повторила незнакомка и отвернулась от Анны, повернулась к стойке с обувью.

Продавщица издали смотрела с легким подозрением, и Анна поняла, что еще немного – и она вызовет охрану.

В зеркальной витрине она увидела свое отражение – заполошная, испуганная, бедно одетая тетка, вот именно – не женщина, не дама, а тетка, взгляд совершенно дикий, волосы взлохмачены.

Да, немудрено, что продавщица насторожилась. Такие сомнительные личности, как Анна, в дорогой бутик вообще не заходят и к солидным покупательницам не пристают.

Анна выпрямила спину и поскорее вышла из магазина, отошла подальше и спустилась на первый этаж, чтобы выйти на улицу.

Она была растеряна.

Что произошло? Неужели она просто обозналась, приняла за Светлану похожую на нее женщину?

Нет, это было не простое сходство.

Незнакомка была одета в такое же пальто, как сестра, у нее была такая же прическа. Допустим, это может быть совпадением. Но она вышла из того же дома, где жила Светлана, и села в ее машину...

Да, автомобиль был не просто похожий, это была именно та самая машина, на которой Светлана встретила сестру на вокзале и привезла в ту квартиру. Ведь Анна ехала в том авто, она отлично помнит удобные кожаные сиденья и чистый салон, пахнувший свежестью и дорогой кожей.

Кстати, от незнакомки пахло Светланиными духами, Анна очень хорошо запомнила запах.

И еще один необъяснимый факт.

Перчатки.

На этой незнакомке были точно такие же перчатки, как на Светлане, – но Светлана забыла свои перчатки, уходя позавчера, они лежат у Анны в квартире на полочке под зеркалом.

Это было невозможно объяснить.

Анна почувствовала, как виски сжало железным обручем. Ну вот, вернулись головные боли.

Надо же, а она думала, что они остались в прошлом, и доктор говорил ей, что они пройдут со временем, нужно только иметь терпение и ждать. И еще нужно изменить свою жизнь, переехать в другой город, поменять работу, найти новых друзей, изучить что-то новое, хобби занять, что ли... И тогда все потихоньку придет в норму.

Анна тогда только усмехнулась про себя. Хорошо доктору давать советы. Переехать в другой город – ну надо же! И кто, интересно, ее там ждет с квартирой и работой? У нее и профессии-то толком никакой нет. Найти новых друзей – да кому она нужна, кому интересна?

Ну работу она тогда поменяла, конечно, поскольку с прежней ее уволили. Но ничего не изменилось – то же одиночество, те же вечера перед телевизором, та же тоска...

И вот, когда пришло письмо Светланы, она поверила, что жизнь ее может неожиданно измениться. И пока она готовилась к отъезду, головные боли ушли, за месяц ни разу не стискивал голову железный обруч, как будто она живет не в двадцать первом веке, а тысячу лет назад и ее пытают в своих застенках святая инквизиция.

Ничего не изменилось, не получилось изменить свою жизнь.

Анна почувствовала ужасную слабость и побрела к себе. То есть в ту квартиру, куда поселила ее сестра. Деньги нужно было экономить, поэтому она долго ехала на автобусе, вышла по ошибке на две остановки раньше, и когда подошла к дому, уже ничего не соображала от боли.

Остаток дня она провела в полузабытьи, наглотившись таблеток, которые не помогали.

Однако таблетки позволили заснуть.

Спала Анна долго, а проснулась довольно бодрая, да еще от кофе в голове прояснилось.

Анна раньше и не пила такой кофе, дорогой очень, но правда ароматный и бодрящий.

Во сне она видела сестру. Ту самую Светлану, которая писала ей письма, слала сообщения, которая встретила ее радостно на вокзале и обещала помочь. Пробудила в ее душе надежду.

«Ведь это все было на самом деле, – сказала сама себе Анна, – ведь я же не придумала это все. Не мог человек так измениться за одну ночь. И я точно знаю, что та женщина, которую я видела в бутике, – не моя сестра. А с сестрой что-то случилось плохое, я это чувствую... Нужно что-то делать».

Капитан Лебедкин мрачно уставился на свою визави, которая вот уже минут пять сидела молча, с остановившимся взглядом, уставившись на какую-то невидимую точку у него на столе.

И что она там нашла, интересно знать? Чернильное пятно?

– Гражданка Воробьева, – начал он осторожно, – вы говорить дальше будете? Что там такое с сестрой вашей приключилось?

– А? – Анна Воробьева вскинула на него совершенно растерянные глаза. – Понимаете... она... она – не она...

– Что-о?

– Я знаю, вы мне не поверите, но утром Светлана не позвонила, а когда я приехала к ней домой, то увидела, как она садится в машину... и потом, в магазине я подошла, а это и не она совсем...

– Ну обознались, с кем не бывает! – Лебедкин обрадовался, что все так разрешилось удачно.

Сейчас он выпроводит эту растелепу и займется наконец рапортом, который лежит у него на столе.

Но не тут-то было.

– Как вы не понимаете? – вскинулась Воробьева. – Ведь это была совсем другая женщина! В ее квартире и на ее машине!

– Та-ак... – протянул капитан Лебедкин.

Вот только этого ему сейчас и не хватало – психованной в кабинете. И хоть бы Дуся была рядом, она бы запросто сумела с ней договориться, Дуся вообще с любым человеком договориться может. Так нет, вот когда она нужна – то ее и нет.

Тут он вспомнил, что сам упросил Дусю пойти побеседовать с потерпевшей, и еще больше расстроился. И вот что теперь делать?

Нельзя сказать, что такое в его практике впервые.

Всякие люди попадались. Жаловались, что соседи запускают к ним по ночам через вентиляцию газ «Черемуха» или облучают неизвестными науке волнами. Или что инопланетяне в образе зелененьких человечков внушают им опасные мысли. Один чудаков привязывался на ночь к батарее и надевал собственноручно сделанный шлем из фольги. В общем, психи – вещь не редкая. Но капитан Лебедкин не слишком умел с ними обращаться. Вот Дуся... Но Дуси нет.

Думая об этом, Лебедкин забыл про свое лицо, на котором всегда все было написано крупными буквами.

Не зря напарница Дуся его предупреждала: «Петя, при разговоре следи за лицом своим!»

Все не впрок пошло, потому что гражданка Воробьева, очевидно, прочитала на его лице все, что он о ней думает.

Она потрясла головой, потом вскочила с места, с грохотом опрокинув стул.

– Вы! – В голосе ее слышались слезы. – Вы... – И она выскочила из кабинета, прижав к груди сумочку.

– Гражданочка! – воззвал Лебедкин, которому стало не то чтобы стыдно, но некомфортно. – Погодите же!

– Ну что, Петя, – спросил появившийся в коридоре Еропкин, – разобрался с теткой? Вижу, что спровадил, это правильно. Давно нужно было спровадить. Только время отнимает.

– Да больная она на всю голову! – с сердцем ответил Лебедкин. – Пургу какую-то гонит!

– Как бы жаловаться не пошла по начальству, – опасливо сказа Коля, – а впрочем, эта не пойдет.

Всем в отделении было известно, что у Еропкина в этом смысле глаз-алмаз, сразу человека видит. И если сказал, что тетка жаловаться не пойдет и больше в отделение не явится – стало быть, так оно и есть.

Но отчего-то на душе у капитана Лебедкина остался от разговора неприятный осадок. И хоть бы Дуся скорее вернулась...

Дуся в это время сердечно распрощалась с толковой свидетельницей, вышла на площадку и огляделась.

Судя по всему, вот здесь, в этом крошечном закутке у лифта, неизвестный злоумышленник подждал Алену Козлихину.

Лифт не работал, так что никто не мог его видеть.

Дуся осмотрела пол и стены, ничего не нашла, кроме застарелой грязи. Ну да, видно, что уборщица сюда редко заходит.

Спрашивается, что она, Дуся, тут делает? Что она здесь надеется найти?

Вряд ли тот тип, который напал на Козлихину, оставил здесь какие-нибудь улики, которые приведут к нему следствие...

Да вообще, большинство таких нападений оказываются нераскрытыми. И начальство это прекрасно знает. Но, видите ли, у них сейчас проходит месячник борьбы с наркоманией, и непременно нужно отчитаться перед своим верхним начальством...

Дуся вздохнула и пошла вниз, а, выйдя из подъезда, еще раз безнадежно огляделась по сторонам.

И тут увидела через дорогу от места преступления яркую вывеску.

На вывеске была изображена большая хищная рыба с полной пастью острых зубов, и разноцветными светящимися буквами было написано название заведения:

«Бар-Ракуда».

Дуся вспомнила, как пила кофе на кухне потерпевшей Козлихиной.

У той сахарница оказалась пустой, и она дала Дусе пакетик с такой же картинкой, пакетик из этого самого заведения – «Бар-Ракуда».

Значит, Алена заходила в это заведение. И очень может быть, что заходила она сюда именно в тот день, когда на нее напал неизвестный наркоман.

Или вовсе не наркоман.

А говорила, между прочим, что в тот день ее на работе задержали, оттого только в полдесятого вернулась.

Ну это мы еще проверим, а вообще-то похоже, что сахар она накануне взяла, иначе давно бы уж его в кофе положила. Правду соседка говорила, несерьезная девка эта Алена – в доме грязница, в холодильнике мышь удавилась, в буфете одни муравьи, сахару и то нет...

Во всяком случае, стоит зайти в этот бар и попытаться разговорить местный персонал. А именно это – разговорить людей – Дуся умела лучше всех. Может быть, кто-нибудь вспомнит Алену...

Дуся подошла к двери бара, привычным жестом пригладила свои волосы (это было все равно что пытаться пригладить проволочную щетку, какой отдирают старую краску от днища лодки или от двери сарая) и вошла в заведение.

Было еще рано, и посетителей в баре было немного. Но все эти немногие тут же устали на Дусю.

Дуся этому ничуть не удивилась, она давно привыкла к такому повышенному вниманию к своей персоне, жизнерадостно улыбнулась и неторопливо проследовала к стойке бара.

За стойкой стоял тощий долговязый парень с серебряной серьгой в ухе и прилизанными темными волосами. Как и все остальные, он не сводил с Дуси восхищенного взгляда.

Дуся влезла на высокий табурет, положила локти на стойку и, лучезарно улыбнувшись бармену, проговорила:

– Кофе, пожалуйста!

Бармен громко сглотнул, откашлялся и выпалил скороговоркой:

– Эспрессо-капучино-американо-ристретто-макиатто?

– Американо, без молока, с сахаром!

Бармен быстро соорудил ей кофе, поставил перед ней чашку и взволнованно проговорил:

– За счет заведения.

– Вот спасибо-то! – Дуся улыбнулась еще шире, отчего бармен чуть не уронил бокал, которым занял руки.

– Могу я еще чем-нибудь помочь? – осведомился он, взяв себя в руки.

– Можешь, очень даже можешь! Я тут подругу свою ищу, ты ее, случайно, не видел? – И она положила на стойку свой телефон, в котором быстро нашла снимок потерпевшей Козлихиной, который сделала только что тайком.

Конечно, нехорошо фотографировать человека без его согласия, но для пользы дела... в конце концов, на кого наедет начальство? На Петьку, ясное дело. А у него и так с начальством отношения не складываются.

Бармен с трудом отвел глаза от Дуси, взглянул на фотографию. Опять же с трудом сосредоточился на ней, наморщил лоб и уверенно проговорил:

– Да, заходит она сюда время от времени. Но вот уже несколько дней не появлялась.

– А последний раз когда была?

– Да вроде дня четыре назад... или нет, три, четыре дня назад я не работал.

«Ага, – подумала Дуся, – три дня назад. То есть как раз в тот день, когда на нее напали... точнее, в тот вечер».

– Долго она здесь была?

– Да нет, по паре коктейлей выпили и ушли... примерно около девяти... не засиделись...

– Ушли? – заинтересованно переспросила Дуся. – Значит, она здесь не одна была?

– Ну да, не одна... с другом... с ним и ушла...

– Вот как? А как этот друг выглядел?

– Ну как... обыкновенно выглядел. А вообще я его толком и не разглядел – он все время отворачивался, да еще в очках, и воротник поднял... незаметный, тусклый какой-то...

– А как тебе показалось – они уже раньше были знакомы или только в тот день познакомились?

– Вот чего не знаю, того не знаю... а хотя... вроде он к ней уже здесь подсел... Слушай, – взмолился бармен, – я, конечно, к тебе со всей душой, но постоянно за посетителями не слежу, работы много.

«Значит, вычислил меня, – поняла Дуся, – ну бармены наблюдательны, это у них профессиональное...»

– Спасибо тебе большое! И за кофе, и за информацию! – Она соскользнула с табурета и устремилась к дверям.

– Заходи еще! – проговорил бармен в удаляющуюся спину. – Только не по работе!

Выйдя из бара, Дуся решительным шагом снова отправилась домой к потерпевшей Козлихиной.

На этот раз звонить в домофон не пришлось – из подъезда как раз выходила молодая женщина с коляской.

Дуся придержала для нее дверь и проскользнула внутрь. Это соответствовало ее плану – на этот раз она хотела появиться у Козлихиной внезапно.

Взлетев одним махом на пятый этаж, Дуся резко, требовательно позвонила в дверной звонок.

За дверью раздались торопливые шаги, и прозвучал сонный голос:

– Кого это...

– Открой, Алена! Открой скорее! – выпалила Дуся.

То ли от удивления, то ли от неожиданности Козлихина открыла дверь, но, увидев Дусю, попыталась ее снова закрыть. Это у нее, конечно, не получилось, они были в разной весовой категории, так что Дуся влетела в квартиру и захлопнула дверь за собой.

– Ты... вы... вы чего это? – испуганно залепетала Алена, отступая на кухню, где, наверное, чувствовала себя увереннее. – Я вам уже все рассказала, что могла... все, что помню...

– А вот и не все! – оборвала ее Дуся. – Ты сказала, что ничего не помнишь и человека, который на тебя напал, не успела разглядеть...

– Ну да, так оно и есть... – подтвердила Алена, но при этом опасливо отвела глаза.

– А ты знаешь, подруга, что в Уголовном кодексе есть статья за препятствия следствию?

– Какая еще статья?

– Серьезная. За это можно на зону попасть.

– Да что же это! – застонала Алена. – Мне же досталось – и мне же статья? Почему это?

– А потому что не надо меня в заблуждение вводить! Врать не надо!

– Ничего я не ввожу! Ты о чем вообще? – окрысилась Алена, отступая потихоньку на кухню.

– О том, что ты мне сказала, будто того типа не разглядела – а сама перед тем с ним в баре весь вечер просидела!

– В баре? В каком баре? – испуганно переспросила Алена.

– А вот в этом! – И Дуся продемонстрировала ей пакетик из бара, который там предусмотрительно захватила. – И не отпирайся, бармен тебя хорошо запомнил!

– Вот козел! – Алена села на подвернувшийся стул, опустила глаза в пол.

Дуся осталась на ногах и нависла над свидетельницей, как неизбежное и неотвратимое возмездие:

– Говори все как есть, или я тебе прямо сейчас устрою очную ставку с барменом! А потом в отделение отволоку, устрою там допрос по всем правилам под протокол. Мыслимое ли дело – следствие в заблуждение вводить! Люди стараются, бегают, ищут, а она, оказывается, голову нам морочит! Нехорошо...

В продолжение грозного Дусино монолога Алена все ниже опускала голову и плечи.

– Ладно, – Дуся малость остыла, – давай говори, как все было.

– Ну да, он ко мне в этом баре подсел... То есть сначала-то я ждала одного там... договорились с ним по Интернету о свидании. Так, пока в чате общались, вроде интересный парень мне показался... в общем, договорились в семь вечера встретиться. А тут, как назло, Изабелла меня задержала, что-то ей срочно надо было напечатать, потом документ один потерялся... в общем, пока искали, время и ушло. Опоздала я на пятнадцать минут, еще радовалась, что он позже придет. Ну сию, жду, кофе заказала. Проходит еще полчаса, я ему пишу: «Ты где, что случилось?» А он, представляешь, отвечает, что был в баре ровно в семь, ждал десять минут и ушел. У него, дескать, принцип: если девушка опаздывает, значит, с ней и дела иметь не стоит. Каково, а?

– Козел, – согласилась Дуся.

– Ну да, а поначалу и не подумаешь... В общем, обидно мне стало, оттого и не погнала сразу того мужика, хоть он не понравился мне. Ну вроде вежливый, коктейль заказал, посидели немного. Слово за слово, предложил проводить, но я уже на улице сказала, что у меня мать дома и вообще я устала, он и ушел. Я еще удивилась, что так быстро отвязался. А он, оказывается, вон что задумал...

– Из себя он какой? – деловито спросила Дуся.

– Да какой... – задумалась на минуту Алена. – Росту вроде среднего, не толстый, скорее, худой, волосы так себе – ни густые, ни редкие, я не присматривалась, глаз толком из-за очков не видно – знаешь, стекла чуть затемненные... в общем, никакой, на улице пройдешь – не заметишь.

– А почему сначала ты наврала?

Алена вдруг заплакала, продолжая говорить сквозь слезы:

– Ну... чтобы шеф... чтобы шеф мой не узнал... он, если все узнает, непременно меня выгонит... То есть он все делает, что Изабелла скажет, а она такая стерва, что с фонарем ищи – не найдешь!

– Не поняла, причем здесь твой шеф? И кто такая Изабелла?

– Как при чем? Этот козел... ну который на меня напал... он ключи от конторы забрал... Они в сумке были.

– От конторы? Нотариальной конторы?

Алена не ответила, но Дуся сама вспомнила материалы дела, в частности, что потерпевшая Козлихина работает секретаршей в нотариальной конторе.

– И еще он мне нож к горлу приставил... – продолжала сквозь слезы Алена, – вот такой большу-ущий, и грозил, что зарежет, если я ему код от сигнализации не скажу-у...

– И что – сказала?

– А то! – Алена быстро взглянула на Дусю. – А ты что – не сказала бы, если бы нож к горлу?

– Наверное, сказала бы! – призналась Дуся после недолгих, но напряженных раздумий.

Вот оно что... значит, никакой это был не случайный наркоман, а был это серьезный, опасный преступник, которому зачем-то понадобилось проникнуть в нотариальную контору... Потому что, кроме ключей, в сумке Алены ничего ценного не было.

А вот что ему там понадобилось и удалось ли ему найти то, что он хотел?

– Вот теперь меня точно уволят, – Алена вытерла слезы рукавом халата, – потому что Изабелла строго-настрого сказала, чтобы ключи в сумке не носить. А я торопилась очень, домой заскочить не успела, вот и получилось такое...

– Ладно, я тебя выдавать не стану, – сказала Дуся, – а вообще, не парься, уж работу секретаря точно найдешь...

Узнать, для чего грабитель хотел получить ключи, проще всего в той самой нотариальной конторе.

Туда Дуся и отправилась, как только ушла от Алены Козлихиной.

В приемной нотариуса сидела за столом сухопарая особа лет пятидесяти в темно-синем костюме из тех, какие в советские времена носили женщины на партийной работе. На голове у нее была сложная прическа из тех же незапамятных времен, узкие губы едва тронуты неброской бледно-розовой помадой. Как видно, это и была та самая Изабелла, которую Алена характеризовала как первостатейную стерву.

При виде Дуси во всей ее бьющей через край красоте эта особа позеленела и процедила ледяным голосом:

– Вы записаны?

– Нет, – честно призналась Дуся.

– Тогда ничем не могу помочь. Нотариус принимает только по предварительной записи.
– Ничем-ничем? – переспросила Дуся.

– Ничем! – отрезала особа, презрительно скривив губы, и хотела было погрузиться в документы, стопкой лежащие на ее столе.

Но тут Дуся продемонстрировала свое служебное удостоверение, как положено, в раскрытом виде.

– Ах, вы из полиции... – Особа еще больше скривилась, но вместо презрения на ее лице проступило какое-то другое выражение, возможно, даже испуг.

– Да, именно оттуда, – промурлыкала Дуся, временно спрятав свои острые коготки.

– И чем я могу вам помочь?

– Да вы-то мне ничем, скорее, я вам... у вас в последние дни не было никаких чрезвычайных происшествий?

– Никаких происшествий! – поспешно отрезала особа. – А что вы, собственно, имеете в виду?

– Не было ли у вас в конторе попытки взлома? Не пропало ли что-нибудь важное?

– Ничего не было! – отрезала особа. – Никаких попыток и вообще никаких происшествий! И если у вас больше нет вопросов, я вернусь к исполнению своих прямых обязанностей! – и она принялась нервно перекладывать бумаги на столе – те, что лежали слева, переложила направо, а те, что лежали справа, – налево. Потом подумала и вернула бумаги на прежнее место.

В это время дверь в глубине приемной открылась, и из-за нее выглянул невысокий лысоватый мужчина в дорогом итальянском костюме, с заметным животиком и с масляными карими глазами. Остатки темных волос были ровно разложены по сверкающей лысине.

– Изабелла Юрьевна! – проговорил он, обращаясь к сухопарой особе. – Полубесов еще не пришел?

– Нет, Рубен Варламович, не пришел! Не пришел и не звонил! – выпалила особа, преданно уставившись на шефа. – Но вот тут гражданка пришла, вопросы разные задает...

И тут нотариус увидел Дусю.

Глаза его вспыхнули, как поворотники машины на крутом вираже, и еще больше замаслились, на губах появилась плотоядная улыбка, он подскочил к Дусе, схватил ее за руку и защебетал:

– Ах, мадам... то есть мадемуазель... пройдемте ко мне в кабинет, и я отвечу на все ваши вопросы!

– Гражданка из полиции! – мстительно выпалила ему в спину Изабелла Юрьевна.

– Ах, из полиции? – Нотариус немного ослабил хватку, опасливо взглянул на Дусю, но не выпустил ее руку и проговорил тоном ниже, мягко, но упорно подталкивая ее к своему кабинету: – Ну что ж, что из полиции... это ничего, что из полиции... в полиции что – не люди работают?

– Служат, – поправила его Дуся, широко улыбаясь. – В полиции не работают, а служат.

– Тем более... – Нотариус втолкнул ее в кабинет, прикрыл дверь и замурлыкал, как большой кот: – Очарован! Просто очарован и восхищен! Надеюсь, наша случайная встреча перерастет в нечто большее! По крайней мере, в сердечную дружбу!

Он склонил голову к плечу и промурлыкал:

– Что вы скажете, прекрасная незнакомка, если я приглашу вас на ужин в ресторан? В очень хороший ресторан!

– Почему же незнакомка? Разрешите представиться! – И Дуся протянула нотариусу свое удостоверение.

Тот взглянул на него и схватился за сердце:

– Ах, какое у вас романтическое имя! И какое редкое! И как оно вам удивительно подходит!

– Вот, чтобы не было никаких недоразумений – имя свое я не люблю, и если вы попробуете меня им называть, никакой дружбы у нас не получится, – строго сказала Дуся.

Дело в том, что по паспорту звалась она Дульсинеей. Дульсиней Михайловна Самохвалова, если точно. Имя свое Дуся ненавидела от всей души, услышав его, впадала в бешенство, в общем, вела себя неадекватно, о чем все ее знакомые и сослуживцы хорошо знали.

– А как же вас называть – товарищ капитан?

– Лучше просто Дуся.

– Прекрасно! Как это мило – просто Дуся! – восхитился нотариус. – Так как же насчет ресторана?

– Насчет ресторана я вам ничего не обещаю. И встреча наша не совсем случайная...

– Конечно, не случайная! – щебетал нотариус. – Вас привела ко мне сама судьба! И я ей за это благодарен...

– Скорее меня привело к вам расследование. В связи с которым я должна задать вам несколько вопросов...

– Ах да, Изабелла Юрьевна говорила, что у вас есть какие-то вопросы... – нотариус немного поскущел, но быстро оживился и продолжил с прежним энтузиазмом: – Я охотно отвечу на любые ваши вопросы, если вы обещаете пойти со мной в ресторан.

– Ну это уже шантаж! – усмехнулась Дуся. – Или попытка подкупа при исполнении... давайте вы ответите на мои вопросы, а потом я подумаю над вашим предложением.

– Ах, чаровница! – Нотариус погрозил Дусе пальцем. – Ну ладно, давайте ваши вопросы!

– Вопрос, собственно, один. В вашей конторе не было в ближайшие дни какого-то ЧП?

– ЧП? – переспросил нотариус удивленно. – Что вы имеете в виду?

– Ну не было ли у вас попытки кражи или еще чего-то в таком роде? Не пропали ли у вас какие-нибудь важные документы?

– Важные документы у нас пропасть никак не могли, я их храню в сейфе, и сейф у меня очень надежный, самой современной конструкции! – При этих словах нотариус приосанился, как будто говорил о своих собственных физических достоинствах.

– Но все же что-то такое у вас было? – уточнила Дуся, почувствовав в голосе нотариуса какую-то долю неуверенности.

– Ну не знаю, стоит ли упоминать такую мелочь... – неохотно протянул нотариус.

– А вы мне расскажите, а я уж сама решу, мелочь это или совсем не мелочь...

При этих словах Дуся снова широко улыбнулась.

– Ну ни в чем не могу вам отказать, девочка моя! – Нотариус вплеснул руками. – Вы просто вьете из меня веревки!

И только было Дуся хотела посоветовать ему не отвлекаться и переходить наконец к делу, как в дверь заглянула стерва Изабелла Юрьевна и мстительным голосом сообщила, что господин Полубесов ожидает в приемной.

И тотчас с нотариуса слетела вся влюбленность, которую он демонстрировал Дусе, он весь подобрался и смотрел неприступно.

– Прошу вас, Дуся, – сказал он негромко. – Это очень важный клиент, он не любит ждать.

И Дуся поняла, что настаивать не стоит, она только восстановит человека против себя. А уж эта стерва Изабелла так смотрит, что кислотой бы плеснула, рука не дрогнула бы...

– Ну все ноги стоптала! – Дуся сняла пальто и с размаху плюхнулась на свой знаменитый стул. – Убегалась просто! Вот, булочек в пекарне купила, ставь чайник-то, я кофе уж под завязку налилась.

Лебедкин вспомнил, чем закончился прошлый его поход за водой, и помрачнел. Однако не посмел отказать Дусе.

Пока пили чай, она ввела его в курс дела.

– Так что, Петя, вообще это даже не наркоман обычный, а грабитель с прицелом, – закончила Дуся свое повествование, – стало быть, никакой Наркоконтроль тут ни при чем, а самое наше дело, так и доложим начальству. Хотя докладывать нечего, пока я нотариуса этого Семибратова не дождала. А что это ты, Петя, такой скучный? Случилось что, опять под раздачу к начальнику попал?

– Да тут понимаешь, такое дело... – Лебедкин замялся.

– Говори как есть! – сурово приказала Дуся. – Мне все можно сказать. Что ты еще отчебучил?

– Да ничего такого... – Петр замахал руками, – а только как-то мне смутно...

Дуся насторожилась. При всей Петькиной бестолковости чутье у него было. Так что если мается он сейчас – значит, что-то не то и не так.

– Ну... послал ко мне Еропкин одну тетку... – вздохнув, начал Лебедкин, – женщину, в общем. И начала она такую пургу нести... такую пургу – просто мама не горюй!

– Подробнее! – приказала Дуся.

И, выслушав довольно подробный рассказ, рассмеялась.

– Да уж, Петька, везет тебе как утопленнику! Потому что ты все близко к сердцу принимаешь! Ну мало ли психов к нам ходит! Помнишь, в прошлом году, когда психолог к нам приходила лекцию читать, тот же Еропкин ей вопрос задал – что с такими делать. Она и ответила, что нужно разговаривать с ними ровно, ни в коем случае не хамить, дать понять, что будем над их делом работать, и вежливо выпроводить.

– Ага, у нее-то все легко получалось! – возмутился Лебедкин. – А тут...

– Ну и ладно, забудь про нее. Это же надо такое придумать – сестра не та! А сама ее видела один раз всего. Ну кто в такое поверит!

– Вот я и думаю, могла бы она кое-что правдивее придумать...

– Сам же сказал – не в адекватности тетка.

– Да не тетка, ей по паспорту всего тридцать восемь лет, просто выглядит очень плохо! Может, и правда больная – одна, в чужом городе...

– Слушай, ну раз ты так маешься, так позвони сестре этой ненормальной и выясни все, что можно. Скажи, мол, приходила, жаловалась, мы должны отреагировать. Пускай сестра за ней присматривает, если тетя ненормальная! Есть у тебя ее координаты?

– Чекан Светлана Игоревна... год рождения... – Дуся взяла из его рук бумажку с адресом и уткнулась в компьютер, – значит, Воробьева эта говорила, что сестра на три года ее моложе, значит, год рождения... одна тысяча девятьсот восемьдесят пятый...

– Есть такая... с мужем развелась в прошлом году... оставила его фамилию Чекан... вот тут адрес и телефон домашний. Звони уж, Петька, а то покоя знать не будешь!

Капитан Лебедкин тяжело вздохнул и снял телефонную трубку.

Что он больше всего не любил в своей работе – это разговаривать с родственниками потерпевших. Лучше уж допросить двух подозреваемых... или даже трех...

Правда, на этот раз с гражданкой Воробьевой ничего не случилось, так что горестником он не будет, но все равно звонить не хотелось.

Он набрал номер, дождался ответа, услышал женский голос:

– Слушаю!

– Гражданка Чекан? – проговорил Лебедкин, откашлявшись, и тут же поправился: – Светлана Игоревна?

Это же не подозреваемая...

– Да, это я, – настороженно отозвалась его собеседница. – А с кем я говорю? Представьтесь!

– Капитан Лебедин, тринадцатое отделение полиции.

– Вот как? – Голос женщины стал еще более настороженным. – И что вам от меня нужно, капитан Лебедин?

– Я хотел задать вам несколько вопросов...

– Каких еще вопросов? О чем?

– О вашей сестре.

– О сестре? – Теперь в голосе собеседницы прозвучало искреннее удивление. – О какой еще сестре?

– Об Анне Игоревне Воробьевой. Дело в том, что она приходила к нам в отделение и...

– Да нет у меня никакой сестры! Вы что-то путаете!

– Ну то есть она не родная ваша сестра, – смешался капитан, – она эта... сводная...

– Нет у меня никаких сестер – ни родных, ни сводных, никаких! И даже двоюродных нет!

Если уж на то пошло – у меня нет даже братьев! Так что ничем не могу вам помочь!

– У вас нет сестры? – тупо переспросил капитан. – Что, правда?

– А я вам о чем уже несколько минут толкую! Нет никаких сестер и никогда не было!

Капитан удивленно уставился в стену, на которой висел график дежурств по отделению.

– Больше у вас нет ко мне вопросов? – холодно и неприязненно прозвучал голос из трубки.

– Вы уверены, что у вас нет сестры? – проговорил Лебедин и сам понял, как глупо это прозвучало. – И вы не приглашали ее погостить и не поселили в квартире вашего отца? Она так утверждает...

Собеседница даже не стала отвечать.

А еще через несколько секунд из трубки понеслись сигналы отбоя.

Капитан Лебедин положил трубку и задумался.

Дуся внимательно за ним наблюдала.

– Ну, – через некоторое время сказала она, – стало быть, все эта тетка придумала...

– Да как складно... – вздохнул Лебедин. – Откуда она про эту Чекан узнала, интересно знать?

– Ну соседка какая-нибудь, дальняя родственница, про которую все забыли. С психикой не в порядке, у нее и вылезла фамилия Чекан. Ладно, Петя, выброси ее из головы и давай сосредоточимся на том типе, который эту растяпу Козлихину ограбил. За это с нас спросят.

Анна шла по улице в растерянности.

Все происшедшее никак не укладывалось у нее в голове. Какая-то невероятная история... женщина, похожая и не похожая на ее сестру... такого не бывает. Неудивительно, что вчера полицейский не принял ее всерьез. Она и сама-то не поверила бы в такую историю, если бы услышала от другого человека... но тут она видела все своими глазами...

В висках запульсировала боль. Ноющая, мучительная, беспощадная, которая охватила потом всю голову, как железный обруч. Как тогда...

Может быть, с ней снова начинается то же самое, что было несколько лет назад? Она-то думала, что окончательно вылечилась, что это уже не вернется... смущенные взгляды врачей, странные вопросы, лекарства, от которых она забывает собственное имя... И теперь это снова пришло.

Не хватало, чтобы это вернулось сейчас, в чужом, незнакомом, враждебном городе, где ее никто не знает, где у нее нет никого, даже не только близкого, а просто знакомого человека.

В любом случае нужно возвращаться домой. Здесь ей делать больше нечего.

Новая жизнь, о которой она мечтала, не началась. Сестра, которая обещала ей помочь забыть все старые неприятности и начать новую жизнь, оказалась фантомом. Не было никакой сестры, она, Анна, никому не нужна и никому не интересна. Пора это признать, пора с этим смириться...

Значит, нужно срочно заказать билет на поезд, пока не кончились деньги и пока не выгнали ее из квартиры. Вдруг эта квартира не ее отца, а совершенно постороннего человека, и явится хозяин и обвинит Анну во всех грехах?

Но все же странно как-то... Ведь та квартира – вон она, недалеко уже идти осталось. И ключи от нее у Анны в кармане, а это – реальный факт.

Анна потрогала карман – вот они, лежат, никуда не делись. И для чего кому-то понадобилось вызывать ее из Дальнереченска сюда, в большой город, кому она вообще понадобилась? Кому она могла быть нужна?

Никому, это она знает точно.

Снова одни вопросы, на которые нет ответа. И голова болела все сильнее. Нет, срочно ехать домой. Там скучно, тоскливо, но зато покой. Как в могиле.

Анна уже приближалась к своему дому – точнее, к тому дому, где нашла временное пристанище, когда увидела припаркованный возле тротуара белый фургончик. Задняя дверь этого фургончика была широко открыта, возле нее стояла молодая женщина в синей куртке с капюшоном.

Когда Анна подошла ближе, незнакомка повернулась к ней.

Лицо у нее было растерянное и, кажется, заплаканное.

– Что-то случилось? – спросила Анна сочувственно.

– Не знаю... – проговорила незнакомка дрожащим голосом. – Вы не ветеринар, случайно?

– Нет, не ветеринар.

– Ну да, что я говорю... откуда здесь ветеринар... а в собаках вы, случайно, не разбираетесь?

– Да что случилось-то?

– Кажется, я сбила собаку... я ехала, совсем не быстро, и вдруг она откуда-то вывернулась, и прямо мне под колеса... говорят, собаки очень ловкие, они редко попадают под колеса, но эта бросилась прямо под мою машину... посмотрите, как она? Наверное, нужно отвезти ее в ветеринарную клинику... я ее положила в фургон, и вот теперь засомневалась...

Незнакомка отступила в сторону, чтобы показать Анне то, что находилось за дверцей, внутри фургона, и Анна невольно шагнула вперед, заглянула внутрь, в темноту.

На полу фургона лежало что-то темное, бесформенное.

Приглядевшись, Анна поняла, что это действительно большая собака. Крови видно не было.

– Крови нет, – озвучила девушка ее мысль, подойдя совсем близко и едва не дыша Анне в затылок. – Может быть, она еще жива?

– Я не знаю, может быть... – отозвалась Анна и попыталась отстраниться.

У нее мелькнула мысль – как эта девушка смогла перетащить в фургон такого большого, тяжелого пса.

В это время собака подняла голову и открыла глаза. Глаза были темно-ореховые и очень внимательные. Глаза огромного темно-шоколадного добермана.

– Она точно жива! – проговорила Анна немного испуганно и хотела отступить, чтобы показать очнувшуюся собаку незнакомке...

И вдруг на затылок ее обрушился удар.

Боль, которая и до того пульсировала у нее в голове, полыхнула ослепительной вспышкой – и потом все погасло.

Придя в себя, Анна какое-то время не могла понять, где находится.

Вокруг было темно, мучительно болела голова, но не только голова – болело все тело, потому что она лежала на жестком металлическом полу, да еще время от времени перекатывалась по нему взад-вперед.

Потом она поняла, что ее куда-то везут. Об этом говорил ровный шум мотора и еще частые толчки. Видимо, время от времени машина притормаживала, и тогда головная боль усиливалась.

Кроме звука мотора, где-то рядом был слышен другой звук – чье-то частое, жадное дыхание. А еще Анна почувствовала жар этого дыхания и запах крупного зверя.

Глаза ее постепенно привыкли к темноте, и она увидела совсем рядом светящиеся глаза. И эти глаза пристально, внимательно, настороженно следили за ней.

Ей стало страшно.

Анна отползла в сторону, пока не прижалась спиной к металлической стенке, отделявшей грузовой отсек фургона от кабины, и тут же раздалось грозное, недовольное рычание.

И вдруг она вспомнила, что было с ней раньше. Как будто мозг изнутри осветили вспышкой.

Она вспомнила женщину возле фургона, вспомнила большую собаку в фургоне...

Анна поняла, что сейчас находится в том самом фургоне, и рядом с ней в темноте – та самая собака, огромный доберман.

А еще она поняла, что доберман вовсе не попадал под машину, что он жив и здоров, а вот ее, Анну, поймали в примитивную ловушку... Где-то она читала про такое, очень давно...

Но зачем? Кому она могла понадобиться?

Она далеко не богата и не знает каких-то важных секретов. У нее нет богатых или влиятельных родственников. За нее никто не заплатит выкупа. Зачем же ее похищать?

Машина снова затормозила, и тут сквозь стенку, к которой прижималась спиной, Анна услышала приглушенный разговор.

– Куда ее? – спросил женский голос – наверное, голос той самой незнакомки, которая втокнула Анну в фургон.

Голос был резкий и жесткий, теперь не было в нем ни следа растерянности и слез.

Ответил ей мужчина:

– Отвезем куда-нибудь за город и скинем в какое-нибудь лесное озеро. Я знаю одно... можно подъехать на машине... и вокруг никого.

– А не всплывет?

– Привяжем пару камней – не всплывет. А когда всплывет – никто не опознает, рыбы постараются. Ну часы там снять, сережки, кольца...

– Да нет у нее никаких колец! И часов тоже нет, нищета полная!

Анна с ужасом поняла, что люди за стенкой говорят о ней, обсуждают ее судьбу. Поняла, что они спокойно и деловито говорят о том, как избавиться от ее трупа.

Но ведь она еще не труп!

Она живой человек!

Нужно что-то немедленно сделать... нужно выскочить из этого фургона, пока еще не поздно!

Голова неожиданно прошла, не сжимал ее никакой обруч, и затылок, куда ударила ее незнакомка, больше не болел.

Анна попыталась встать, но тело плохо слушалось ее, да к тому же машина то останавливалась, то снова набирала скорость – видно, они ехали еще по городу и тормозили на перекрестках.

Тогда Анна поползла на четвереньках к задней дверце, через которую ее втокнули в фургон.

Доберман зарычал, приподнялся.

Анна попыталась успокоить его:

– Тише, тише, хорошая собачка! Я не сделала тебе ничего плохого! Раз уж мы сидим рядом в одном фургоне, отчего бы нам не подружиться?

Доберман, однако, не успокоился. Его глаза светились тусклым огнем, пасть приоткрылась, обнажив огромные клыки.

Анна переползла к самой дверце, протянула руку и попыталась потянуть за дверную ручку. Но ручка не поддавалась – должно быть, дверца была заперта снаружи.

В общем, этого и следовало ожидать... было бы странно, если бы похитители оставили дверь открытой...

Анна еще раз дернула за ручку – по-прежнему безуспешно.

Зато ее действия окончательно взбесили добермана. Огромный пес вскочил и одним прыжком бросился на Анну... Без разбега, прямо с места.

– Далеко это озеро? – спросила женщина усатого мужчину за рулем.

– Да нет, недалеко, километров тридцать по Выборгскому шоссе... там грунтовка хорошая...

– Осторожно! – вскрикнула женщина.

На дороге, прямо перед белым фургоном, появилась высокая женщина в темном плаще, с темным платком, повязанным на голове.

– Черт, совсем одурела... – прошипел водитель, вцепившись в руль.

Вдруг женщина, вместо того, чтобы отскочить в сторону, повернулась лицом к машине и резким движением сорвала с головы платок.

Водитель ахнул: вместо волос на голове у женщины извивались и шипели десятки змей.

– Мать твою... – выдохнул водитель и резко вывернул руль.

Анна вжалась в дверцу, она с ужасом смотрела на горящие злобой глаза, на оскаленную пасть, на мощное тело, летящее прямо на нее... еще мгновение – и для нее все будет кончено...

Но в эту самую долю секунды машину качнуло, и доберман вместо того, чтобы напасть на Анну, обрушился всем своим весом на дверцу фургона.

Замок не выдержал такого удара. Дверца распахнулась. Доберман с растерянным визгом вылетел наружу, но и Анна не удержалась на скользком полу и выпала на мостовую...

И на этот раз потеряла сознание надолго.

По широким улицам Рима – Фриули и Табернали – текла полноводная людская река. Ее составляли люди всяких сословий – свободнорожденные ремесленники и вольноотпущенники, покрытые шрамами гладиаторы и ветераны доблестных римских легионов, победители галлов и германцев, кимвров и бургундов, а также других варварских народов, имена которых невозможно произнести, а тем более – запомнить.

В этой праздничной толпе были не только прирожденные римляне, гордый народ, облаченный в тоги, – были здесь и развязные разговорчивые греки, и представители союзных италийских племен, и те же галлы и германцы, получившие за заслуги перед государством римское гражданство или только добивающиеся его интригами и подкупом.

Были в этой толпе, конечно, не только простолюдины – были здесь и патрициши, и знатные господа, окруженные группами слуг и клиентов. Дюжии носильщики тут и там несли богато украшенные паланкины, из которых нет-нет и выглядывали знатные величественные матроны или красивые содержанки. Изредка появлялись сенаторы и проконсулы, перед которыми маршировали почетные стражники-ликторы.

Полноводная человеческая река вытекала из плебейских кварталов Субурры и Эсквелина и текла в одном направлении – к Мурсийской долине, между Авентинским и Палатинским холмами, туда, где расположен Большой, или Старый цирк, построенный еще в незапамятные времена, в первые века римской истории, царем Тарквинием Старшим и расширенный Тарквинием Гордым. На всех лицах было одно выражение – радостное ожидание дармового зрелища.

Неделю назад Марк Луций Аппий, добивающийся на комициях должности консула, объявил о том, что дает в Большом цирке игры с участием диких зверей и опытных гладиаторов, и сегодня весь Рим устремился на эти игры.

Простолюдины и плебеи стремились как можно раньше прийти в цирк, чтобы занять лучшие места, в тени и достаточно близко к арене.

Знатным и влиятельным особам, сенаторам и городским магистратам, торопиться было ни к чему – для них были отведены лучшие ряды рядом с консульской ложей.

Богатые вольноотпущенники – торговцы, менялы и сборщики налогов тоже не торопились, ибо знали, что даже в последний момент купят самые удобные места у ловких малых, которые с ночи заняли эти места, чтобы заработать несколько монет.

Четверо дюжих эфиопов остановились возле входа в цирк, поставили на землю паланкин и помогли выйти из него своей хозяйке.

Хозяйка эта была так хороша собой, что мужчины, толпившиеся у входа в цирк, невольно прекратили свои разговоры и обратились в ее сторону. Низкорослый курчавый грек с темными выпуклыми глазами разинул рот.

Девушка казалась совсем юной, белое, как каррарский мрамор, нежное лицо было чуть тронута румянцем, как весеннее небо утренней зарей. Однако в глубине ее миндалевидных зеленых глаз таился опыт женщины, знающей, что такое страсть, и умеющей зажечь ее в мужском сердце.

Поверх тонкой белоснежной туники на ней было надето длинное платье восточного покроя из бирюзового полупрозрачного шелка, изящную шею украшало жемчужное ожерелье с крупным темно-синим сапфиром, тонкие запястья – серебряные браслеты.

Красавица скользнула равнодушным взглядом по мужским лицам, усмехнулась и сказала греку:

– Рот закрой, а то дятел залетит!

Тут же двое мускулистых эфиопов из ее свиты растолкали зевак и провели госпожу в цирк.

На арене сражались молодые, неопытные гладиаторы. Зрители сопровождали их схватку смехами и улюлюканьем. Все ждали, когда начнется по-настоящему интересное зрелище.

Не оглядываясь на арену, красавица поднялась по ступеням к тем скамьям, которые были отведены для сенаторов, проконсулов и главных городских магистратов. Ее провожали многочисленные взгляды, как мужские, так и женские. Одни – восхищенные, другие – завистливые или презрительные, и приглушенный шепот.

– Кто это? – спрашивал молодой патриций у своего убеленного сединами спутника.

– Как, ты ее не знаешь? Удивительно! Это ведь Клодия, знаменитая куртизанка!

Эфиопы уверенно расчищали ей дорогу, но тем не менее на полпути к цели красавицу задел плечом высокий, немного сутулый мужчина в пыльном дорожном плаще.

Она обернулась, чтобы обжечь невежу презрительным взглядом, но, столкнувшись с его собственным взглядом, на мгновение утратила свою привычную самоуверенность.

Лицо незнакомца было покрыто странным серовато-бледным загаром и прорезано несколькими глубокими складками, которые вместе с горбатым костистым носом делали его похожим на огромную хищную птицу. Но самой яркой и заметной его чертой были глаза –

глубоко посаженные, темные, как осенняя ночь, и такие же бесприютные. Казалось, в этих глазах таится весь ужас мира...

Красавица вздрогнула, ей стало вдруг холодно, как будто в жаркий летний день грянула январская стужа. Она прикрыла глаза, чтобы отгородиться от взгляда незнакомца, а когда снова открыла их, того и след простыл.

Девушка перевела дыхание, сбросила наваждение и поднялась к почетным местам.

Здесь ее ожидал плотный мужчина лет пятидесяти с важным, самоуверенным лицом.

– Здравствуй, Клодия! – проговорил сенатор. – Как ты долго не приходила! Я уж думал, ты совсем забыла меня!

– Ну что ты, Клавдий, как я могла забыть такого щедрого и мужественного человека!

При этих словах лицо сенатора тронула улыбка. Клодия же продолжила:

– Кстати, о щедрости. Ты не забыл, что сегодня минул ровно год с нашего знакомства?

– Как я мог забыть! Это ведь было здесь же, в Большом цирке, на играх, которые устроил Руфус Полибий...

– Ничего подобного! – Красавица недовольно скривила коралловые губки. – Мы встретились вовсе не здесь, а на форуме. Ты шел с этим солдафоном, твоим родственником, который только что вернулся из Африки... как ты мог забыть такой важный день!

– Мне кажется, Клодия, ты ошибаешься...

– Я никогда не ошибаюсь! – На хорошенькое лицо куртизанки набежало облачко.

– Ну пусть даже так. Не обижайся, прелесть моя! У меня для тебя есть маленький подарок, который я купил в память о нашей встрече! – Сенатор достал из складок тоги свернутый шелковый платок, протянул его девушке.

Клодия взяла платок двумя пальцами, брезгливо поморщившись:

– Всего лишь платок?

– А ты разверни его, луна моего сердца!

В глазах куртизанки вспыхнуло любопытство, она осторожно развернула платок. В нем лежала оправленная в золото камея из двухслойного оникса – женское лицо, вместо волос окутанное клубком извивающихся змей.

– Что это? – Клодия вздрогнула и едва не выронила камею.

– Это работа знаменитого греческого мастера, она обоилась мне в кругленькую сумму...

– Ты напугал меня... это ведь Медуза Горгона, чей взгляд обращает людей в камень...

– Пусть так, но эта камея удивительно красива. Неужели она тебе не нравится? Хочешь, я отдам ее тому торговцу и попрошу у него взамен что-нибудь другое!

– Нет, я оставляю ее себе...

Клодия вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. То есть она постоянно чувствовала на себе взгляды – восхищенные и завистливые, похотливые и презрительные. Но этот взгляд был совсем другого сорта, от него девушке снова стало холодно жарким летним полднем.

Она обернулась и на какое-то мгновение выхватила из толпы бледное лицо с глубоко посаженными глазами, темными, как осенняя ночь... но тут же потеряла его.

На арену тем временем выпустили четверых опытных гладиаторов в доспехах самнитов. Воины настороженно переглядывались, гадая, с кем им придется сразиться. Тут открылись ворота в дальнем конце арены, и оттуда выбежали два огромных льва.

Цирк разразился восторженными криками.

Царственные животные остановились, пораженные этим незнакомым шумом и зрелищем многолюдной толпы. Они стояли посреди арены, затравленно оглядываясь. Гладиаторы, увидев огромных кровожадных зверей, в первый момент тоже растерялись, но потом собрали

свое мужество, коротко переговорили и двинулись ко львам, чтобы использовать их недолгий испуг перед многотысячной толпой.

Клодия, которая любила подобные кровавые зрелища, вдруг почувствовала, что больше не хочет смотреть.

– Пойдем отсюда, Клавдий! – сказала она сенатору.

Тот удивленно взглянул на девушку:

– Как, все же еще только начинается!

– Все равно. Я больше не хочу.

– Но я должен здесь кое с кем повидаться...

– Ты как хочешь, а я ухожу! – И, не слушая возражений сенатора, она развернулась и направилась к выходу из цирка.

Верные эфиопы расчищали ей дорогу, что было теперь куда сложнее – в цирке не осталось свободных мест.

И тут Клодия снова ощутила на себе тот же пристальный, леденящий взгляд. Но на этот раз она не стала вертеть головой, она не хотела снова увидеть таинственного незнакомца. Больше того – она боялась встретить его холодный взгляд.

После разговора с сестрой гражданки Воробьевой капитан Лебедин не успокоился, а впал в хандру. Душу его точил и точил противный скользкий червячок.

Что-то в этом деле было не так. Потихоньку, однако, текущие дела затянули, и Лебедин выбросил ненормальную тетку из головы. Однако нет-нет да и появлялось перед его мысленным взором ее растерянное, бледное лицо с несчастными большими глазами.

– Жалостливый ты очень, Петя, – заметила Дуся, от которой не укрылось состояние капитана. – Нельзя так все близко к сердцу принимать.

– Да уж, – вздохнул Лебедин, – так вот сойдешь с катушек – и никто не поможет.

– Я помогу! – Дуся погладила его по плечу.

Тут заглянул к ним вездесущий Коля Еропкин.

– Слыхали? Вроде бы премия накрылась медным тазом. Не то задерживают, не то вообще не дадут!

– Хоть бы чего хорошего сказал, – буркнул Лебедин.

– А ты чего, Петя, такой злой? – поинтересовался Еропкин.

– А он, понимаешь, все переживает, как плохо с той тетей обошелся, с Воробьевой, что позавчера приходила.

Дуся тоже расстроилась насчет премии, оттого и съехидничала.

– Воробьева? – На лице Еропкина отразилась интенсивная работа мысли. – Это не та, которую на дороге нашли в тяжелом состоянии? Вчера по сводке прошло...

– Не может быть! – Лебедин почувствовал, что в глубине души чего-то такого и ожидал.

– Да точно тебе говорю. Воробьева Анна...

– Игоревна, – подсказала Дуся.

– Ну да, Игоревна. Нашли ее на дороге всю избитую, в больнице она... Дуся, дай сахару!

– Возьми конфету! – Дуся протянула ему коробку, которую подарил ей директор продуктового магазинчика, где она очень успешно вычислила воришку.

Коробка была огромная, конфеты в ней никак не могли закончиться, несмотря на все Дусины усилия.

Еропкин взял три штуки и ушел.

Лебедин же подпер лоб рукой в позе роденовского мыслителя и надолго затих.

Да, та женщина с самого начала показалась ему странной. И рассказ ее не вызвал доверия.

Нервная какая-то... и вся эта ее история звучала очень подозрительно... он вообще не хотел этим заниматься, но вместо того чтобы вежливо ее отфутболить, получилось нехорошо, она ушла сильно расстроенная.

Но теперь, после того как он узнал, что Анну Воробьеву нашли на дороге в бессознательном состоянии, у него в душе, как говорится, заскреблись кошки. И очень многочисленные.

Лебедкин снова вздохнул и поменял позу. Теперь он обхватил себя руками за плечи и застыл.

Все же что-то с этой Воробьевой было не так...

Странно она себя вела. Пришла в полицию, чтобы заявить... о чем? Даже не об исчезновении своей сестры, а о том, что та вдруг изменилась. Стала вдруг сама на себя непохожа. И с ней, Анной, знаться больше не хочет. В упор ее не видит.

Ну это-то как раз неудивительно, увидела, что собой Анна представляет, и решила держаться от нее подальше. Да, но зачем тогда вообще приглашала ее в Питер?

Бред какой-то. Тем более что Светлана Чекан прямо сказала, что никакой сестры у нее вообще нет. Ни родной, ни сводной, ни двоюродной.

Казалось бы, нужно выбросить эту историю из головы, забыть ее как страшный сон и заниматься другими делами, благо их достаточно много.

Но капитан Лебедкин чувствовал какое-то смутное беспокойство. Что-то в этой истории было не так. Особенно после того, как Анна Воробьева попала в больницу.

Если у Светланы Чекан нет сестры, то кто же тогда такая эта Анна Воробьева? Потому что сама Светлана Чекан как раз существует. Во плоти и крови, тут Воробьева ничего не придумала. Так кто же она тогда?

Проще всего было выяснить это по базе данных.

Капитан Лебедкин тяжело вздохнул. Честно говоря, он не был большим поклонником технического прогресса. Проще говоря, он плохо разбирался в компьютерах, в программах и базах данных. Он предпочитал работать, как сейчас говорят, офлайн – то есть по старинке, ногами, а иногда еще головой. Но теперь делать нечего.

Лебедкин включил свой компьютер, вызвал на экран специальную поисковую программу и ввел в поисковую строку фамилию, имя и отчество странной посетительницы – Анна Игоревна Воробьева.

Воробьева – фамилия весьма распространенная, и умная программа вывела на экран несколько сотен подходящих персонажей.

Лебедкин снова тяжело вздохнул, подпер подбородок кулаком и принялся просматривать длинный список.

Если проверять каждую женщину в этом списке, работы хватит до пенсии... а до пенсии Лебедкину было еще ох как далеко...

За этим занятием его и застала Дуся, влетевшая в кабинет, как яркая бабочка на педсовет средней школы.

– Что такой мрачный, Петя? – спросила она своего напарника. – Опять начальник взгрел?

– Да вот опять этот чертов компьютер не работает... – вздохнул Лебедкин.

– А чего ты от него хочешь добиться?

– Хочу узнать что-нибудь про эту Воробьеву.

– Не дает она тебе покоя. Петя, ты, часом, не влюбился в заявительницу? Хотя она теперь вроде потерпевшая.

– Если бы ты ее видела, ты бы так не говорила, – мрачно ответил Лебедкин. – Но что-то там все-таки не так! Что-то там не складывается! Вот как ты хочешь, что-то не вытанцовывается!

– Ох, Петька, опять ты за свое! Опять тень на плетень наводишь! Влетит тебе от начальства!

– Ну, Дусенька, помоги мне разобраться. Я только узнаю, кто она такая, и успокоюсь...
– Ладно, что с тобой поделаешь...

Дуся села рядом с напарником и внимательно взглянула на экран его компьютера.

– Ты ее как ищешь?

– Известно как – по имени и фамилии...

– Ну, так ты немного найдешь... давай мы еще год рождения подключим...

– Пиши!

Дуся ввела дополнительные параметры, и список сократился в несколько раз.

– Все равно много... – вздохнул рядом Лебедкин.

– Пессимист ты, Петя! Твоя Воробьева откуда приехала?

– Из Дальнереченска.

– Ну, это город явно небольшой, там у нее наверняка немного однофамильцев...

И меньше чем через минуту на экране осталась единственная запись с подходящими координатами.

– Ну вот она, твоя Воробьева! – удовлетворенно проговорила Дуся, откинувшись на спинку стула.

– Правда... спасибо тебе, Дусенька... – Лебедкин уныло уставился в открытый файл. – Так... родилась тогда-то... окончила среднюю школу, колледж... работала там-то и там-то... а вот здесь почти на год перерыв... нигде не училась и нигде не работала...

– Ты же сказал, что, если найдешь ее, сразу успокоишься.

– Да, но тут опять какие-то неувязки...

– Ох, трудно с тобой! Ладно, так и быть... говоришь, она из Дальнереченска? А ты помнишь Генку Соловьева? Такой долговязый, волосы рыжие? Он к нам на курсы повышения приезжал. Кажется, именно оттуда.

Лебедкин удивленно заморгал, а Дуся уже вооружилась телефоном и через минуту проговорила:

– Дальнереченск? Из Петербурга вас беспокоят! Капитана Соловьева можно попросить? Ах, уже майора! Надо же, как время летит! Ну так можно?

После небольшой паузы она заговорила самым своим чарующим голосом:

– Геннадий Васильевич, с повышением тебя! Да, это я! Надо же – узнал! Не забыл, выходит, не зазнался, несмотря на повышение? Ну, ну... да, конечно... к нам в Петербург не собираешься?

Она сделала небольшую паузу и продолжила:

– Ну мало ли... вообще-то я по делу звоню. Да, по делу, уж извини. Да, вот такая у нас работа... Короче, у вас в Дальнереченске одна женщина живет... или жила. Так вот, она меня очень интересует. Нет, ничего особо опасного она не совершила, скорее свидетельница по важному делу. Или, возможно, потерпевшая. Ну, Гена, ты же понимаешь – тайна следствия. Но ты мне очень поможешь... да, хорошо... обязательно... непременно... записывай... так запомнишь? Ну да, память у тебя всегда была хорошая! Хорошо, запоминай... Воробьева Анна Игоревна... что меня интересует? А все, что удастся узнать... хорошо, жду! Да уж лучше ты к нам... да, непременно... договорились...

Дуся повесила трубку и повернулась к Лебедкину:

– Ну он нам... то есть мне скоро перезвонит и расскажет все, что удастся узнать.

– Ну, Дульсинея, ты даешь! – восхищенно выдохнул Лебедкин. – У тебя что, в любом городе поклонники есть?

– Ну не в любом, конечно... но вообще-то на курсы повышения из разных городов приезжают...

Она взяла с полки увесистый том Уголовного кодекса и хлопнула напарника по затылку:

– А это тебе за Дульсинею! Знаешь ведь прекрасно, что я это имечко не переносу!

Лебедкин потер затылок и подумал, что еще легко отделался, другому бы от Дуси ой как влетело. После чего он задумчиво проговорил:

– Вот что мне интересно – этот твой Генка... Геннадий Васильевич... до майора уже дослужился, а я все еще капитан. Почему бы это? Как ты считаешь?

– Ты не переживай, Петя, какие твои годы! Все у тебя впереди! Еще дослужишься!

– Ну да, конечно, когда рак на горе свистнет... а вот еще мне интересно, когда он нам... то есть тебе перезвонит? Сегодня, завтра или через неделю?

– Обижаешь, Петя! Я думаю, минут через двадцать, не больше. А то и быстрее.

– Ну уж это тыхватила!

– Хочешь, поспорим?

– А на что?

И тут телефон зазвонил. Дуся взглянула на напарника, улыбнулась и взяла трубку:

– Дальнереченск? Слушаю!

– Ничего себе скорость! – восхитился Лебедкин. – Хорошо, что я не успел с тобой поспорить! Надо же, как ты на него безотказно действуешь! Все дела бросил... майор, между прочим, не мальчишка какой-нибудь... нет, ты меня просто поражаешь...

Дуся погрозила ему пальцем и прижала тот же палец к губам – мол, тише, я же по телефону разговариваю.

Она какое-то время послушала и рассыпалась в благодарностях:

– Спасибо, Геннадий Васильевич... спасибо, Гена... да, если удастся еще что-нибудь узнать, будет здорово... да, я понимаю... да, непременно... только все же лучше ты к нам...

Повесив трубку, она снова повернулась к напарнику и проговорила с таинственным видом:

– Не зря тебя этот перерыв в ее досье заинтересовал... этот год, когда она нигде не училась и не работала.

– Что – неужели сидела? – оживился Лебедкин. – До чего же внешность бывает обманчива!

– Да что ты! – Дуся округлила глаза и замахала рукой. – Чего нет, того нет! Не сидела, а лежала.

– Это в каком же смысле?

– В самом обыкновенном и печальном. Лежала твоя Воробьева в клинике.

– В какой?

– В психиатрической.

– Вот оно как... – протянул Лебедкин.

– Так что неудивительно, что ей всякие чудеса мерещатся. И сестра несуществующая, и все остальное... так что можешь спокойно это дело закрыть и папку в шкаф убрать.

– Так-то оно так, да все-таки...

– Нет, Петя, все же трудно с тобой!

– Все-таки что-то тут не так. Сначала она приходит и рассказывает странную историю про сестру...

– Ну нездоровый же человек! В клинике лежала! Даже справка у нее имеется! Чего ты от нее хочешь?

– Ты дай мне договорить! Сначала она приходит с этой своей историей, а потом ее находят на улице в бессознательном состоянии. Тебе это не кажется подозрительным?

– Ох, Петя! Любишь ты на пустом месте проблемы создавать! Опять тебе всюду твои маньяки серийные мерещатся? И ты еще удивляешься, что начальство тебя не любит!

– Потому что, как только я позвонил этой самой сестре и сообщил ей про Воробьеву – так на нее сразу напали! Ну не сразу, а на следующий день! Но согласишься, что подозрительное совпадение! А я в совпадения вообще не верю...

– Да ничего я не вижу подозрительного! У женщины с головой явно не все в порядке, вот она и попала в аварию... небось пошла на красный свет, вот и сбили ее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.